

ОГЛАВЛЕНИЕ

Е. Бута. Как заразиться безумием? Пошаговая инструкция . . . 7

Поль Реньяр

УМСТВЕННЫЕ ЭПИДЕМИИ

Предисловие	22
Глава 1. XV, XVI и XVII века. Демонизм или колдовство	26
Глава 2. XVIII век. Сен-медарские явления	72
Глава 3. XVIII и XIX век. Сон и сомнамбулизм	110
Глава 4. XIX век. Морфиномания и эфиромания	158
Глава 5. XIX век. Мания величия	192
Эпилог. Психозы XX века	244

Зигмунд Фрейд

ПСИХОЛОГИЯ МАСС И АНАЛИЗ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО «Я»

Введение	251
Глава 1. Описание массовой души у Лебона	253
Глава 2. Другие оценки коллективной душевной жизни	266
Глава 3. Внушение и либидо	272
Глава 4. Две искусственные массы: церковь и войско	277
Глава 5. Дальнейшие задачи и пути исследования	284
Глава 6. Идентификация	289
Глава 7. Влюбленность и гипноз	296
Глава 8. Стадный инстинкт	301
Глава 9. Масса и первобытная орда	307
Глава 10. Степень личности	315
Дополнение	320

Э. Канетти

МАССА

Глава 1. Обращенный страх прикосновения	332
Глава 2. Открытая и закрытая массы	334
Глава 3. Разрядка	336
Глава 4. Мания разрушения	338
Глава 5. Извержение	340

Глава 6. Мания преследования	343
Глава 7. Приручение масс в мировых религиях	345
Глава 8. Паника	347
Глава 9. Масса как кольцо	350
Глава 10. Свойства массы	351
Глава 11. Ритм	354
Глава 12. Задержка	358
Глава 13. Медленность или удаленность цели	365
Глава 14. Невидимые массы	368
Глава 15. Классификация по несущему аффекту	376
Глава 16. Преследующая масса	377
Глава 16. Масса бегства	382
Глава 17. Масса запрета	385
Глава 18. Массы обращения	389
Глава 19. Праздничные массы	394
Глава 20. Двойная масса: мужчины и женщины, живые и мертвые	395
Глава 21. Двойная масса: война	401
Глава 22. Массовые кристаллы	409
Глава 23. Массовые символы	411

КАК ЗАРАЗИТЬСЯ БЕЗУМИЕМ? ПОШАГОВАЯ ИНСТРУКЦИЯ

«С ума поодиночке сходят, это только гриппом все вместе болеют», — говорил папа дяди Федора в мультфильме про Простоквашино.

На самом деле все не совсем так и психическое заболевание легко можно «подцепить» от близкого человека. Нам свойственно мимикрировать под свое окружение. Если вас запереть в комнате с человеком в тяжелой форме депрессии, то через несколько дней у вас начнется устойчивая дисфория, а через пару недель, вполне вероятно, вам можно будет диагностировать депрессию. Точно так же происходит и с бредовыми расстройствами. С увеличением количества участников процесс индукциикратно увеличивается, приобретая характер эпидемии. Самой критичной здесь становится ситуация паники в условиях массового психоза. Ситуация, когда с одной стороны, люди одурманены одной сверхценной идеей, а с другой, страх за свою жизнь привел людей к панике, то есть вынудил их противопоставить себя другим. В этой ситуации толпа, масса (по Канетти) начинает разрушать саму себя.

Здесь важно понимать, что индуцированное бредовое расстройство, тот редкий случай психиатрического заболевания, который может «подхватить» только психически здоровый человек. Есть здесь и хорошая новость. Индуцированный бред, к коим относится и массовый психоз, легко и быстро излечиваются.

Индуцированный бред представляет собой расстройство, при котором один или несколько человек одновременно или последовательно приобретают выраженные черты психоза с одинаковым наполнением бреда.

Откуда что берется?

Знаменитый и весьма авантюрный (чего только стоит вояж в Россию для изучения эпидемии холеры) врач-психиатр Шарль-Пьер Ласег работал в психиатрической клинике Сальпетриер в Париже. В 1877 году к нему обратилась весьма странная супружеская пара. Небогатые горожане Мишель и Маргарет (имена Ласег выдумал для своего доклада об этом случае) наперебой жаловались врачу о странных преследователях. Мужчина и женщина утверждали, что кто-то пробирается в их дом по ночам, чтобы разносить старые башмаки, разбрасывать вещи и чинить другие, не менее странные пакости.

Очевидно было, что никто к ним в дом по ночам не пробирается. Подобных историй Ласег наслушался за свою карьеру предостаточно. Душевнобольные с бредом преследования встречались часто. Интересным в этом случае был тот факт, что пациентов было двое. Вполне нормальные на вид, весьма опрятные и порядочные люди рассказывали о странных злоумышленниках, которые пробираются в их дом по ночам, чтобы намусорить. Ласегу это показалось настолько интересным, что он рассказал о случае товарищу и предложил установить слежку за супружеской парой.

Конечно, выяснилось, что никто по ночам в дом к супругам не залезает и вещи не разбрасывает, но самое интересное выяснилось чуть позже, когда Ласег предложил паре пройти обследование в клинике. Женщин и мужчин там принято было помещать в разные палаты, независимо от родственных связей. Спустя несколько дней в клинике у Мишеля обострился бред преследования, и он начал рассказывать о новых кознях злоумышленников. Причем рассказы его стали теперь звучать гораздо менее логично и правдоподобно. Маргарет же напротив, казалось, совсем позабыла о злоумышленниках, разбрасывающих вещи по ночам. Сейчас женщина и сама подсмеивалась над глупостью таких предположений. Еще через пару дней

Ласег окончательно убедился в полном психическом здоровье женщины.

Этот случай психиатр назвал красивым словосочетанием «folie a deux» (безумие вдвоем). Он стал первым зарегистрированным случаем индуцированного бреда.

Если вы призадумаетесь, то обязательно вспомните пару случаев индуцированного бреда (пусть и не в крайнем своем проявлении), которые вы имели честь наблюдать лично. Это весьма распространенная ситуация, которую очень сложно диагностировать, но, по счастью, очень просто лечить. Вот несколько классических частных случаев индукции бреда, то есть заражения психическим расстройством.

1. Пожилая женщина лет 75-ти вследствие возрастных изменений начинает всех подозревать в том, что ее хотят облапошить и обворовать. С ней живет уже очень взрослая дочь, которая в основном общается только с матерью. Целыми днями она слушает рассказы матери о том, как ее пытались обворовать в магазине или обмануть. Конечно, она старается критически относиться к рассказам матери, но мать до сих пор остается авторитетом для дочери. Спустя какое-то время на прием психиатра попадает женщина средних лет, которая утверждает, что ее все пытаются обворовать и облапошить.

2. Мать-одиночка средних лет имеет сына-подростка, которого без конца таскает по различным врачам, а когда кто-то из эскулапов осмеливается сказать, что ребенок здоров, пишет на доктора жалобу. Ребенку запрещают есть разные продукты, потому что аллергия. Гулять на улице, потому что простудится. Посещать школу, потому что там одна зараза, да и «что они там понимают». Спустя какое-то время уже молодой мужчина оказывается в кафе, но заказывает одну только воду, потому что аллергия. Он старается не выходить из дома, потому что смертельно болен и пр.

3. Муж и жена живут вместе. Муж — никем не признанный гений, великий писатель, который занят созданием книги, которая вот-вот перевернет мир. Мужчина целыми днями сидит в темной комнате наедине с компьютером, а жена всем представляется супругой великого писателя, который вот-вот прославится на весь мир.

Иногда индуцированный бред приобретает и куда более экстравагантные формы, достаточно вспомнить лишь несколько, прогремевших на весь мир историй:

*Рэнди Куэйд и его жена-модель
Эви Мотоланез*

Актер Рэнди Куэйд и его жена-модель Эви Мотоланез были вполне успешной голливудской парой средней руки. Первых ролей Рэнди не получал, но и на Золотой глобус номинировался, и даже на Оскар выдвигался. К примеру, он играл заметные роли в «Полуночном экспрессе», «Дне независимости» и «Горбатой горе». В какой-то момент у мужчины начались финансовые трудности, неподтвержденные проблемы с наркотиками, но главное, что в течение короткого времени погибло несколько близких друзей мужчины, что привело его в бездну психического срыва.

Он неожиданно стал рассказывать, что его преследует организация Охотников за голливудскими звездами. Поразительно, но Эви, его жена, поверила в это. Пара начала все более странно себя вести, их то и дело ловили на разного рода мошенничествах, а однажды они ворвались в один из особняков на голливудских холмах и ограбили его. В конце концов, они сбежали за границу, опасаясь преследования «Охотников за голливудскими звездами».

Между Эви и Рэнди начали возникать конфликты, которые привели к разводу. Когда женщина ушла от Рэнди, она полностью утратила веру в таинственных охотников за голливудскими звездами.

Сестры Урсула и Сабина Эриксон

Сестры Урсула и Сабина Эриксон были уже взрослыми женщинами и жили в разных странах. Урсула жила в США, а Сабина — в Ирландии. Однажды они решили отправиться в путешествие в Великобританию. Уже в автобусе до Лондона они вели себя настолько странно, что водитель попросил их покинуть автобус на станции техобслуживания. Женщины пошли по дороге и стали перебегать магистраль перед проезжавшими мимо машинами. В этот момент их заметили и попросили остановиться, но вместо этого женщины в очередной раз бросились под машину. В этот раз они получили увечья и их отправили в госпиталь, но на этом безумный бред не закончился.

Сестры кричали, что у них сейчас вырежут органы, что их сигареты отравлены... Одну из них отправили в полицейский участок, но вскоре выпустили, а через какое-то время она напала на своего приятеля... Сестры убили и покалечили несколько человек, когда их наконец арестовали. Они получили сравнительно небольшие сроки и вскоре были освобождены. Урсула и Сабина зажили своей обычной жизнью. По общему признанию, этот случай стал ярким примером индуцированного симультанного расстройства, случай при котором происходит постоянное взаимное заражение. Два носителя бреда постоянно заражают друг друга и с каждой минутой ситуация только усугубляется.

Семья Тромп

Семья Тромп вела свою тихую, ничем не примечательную жизнь австралийских фермеров вплоть до 2016 года. В тот год 51-летний Марк Тромп вдруг решил, что его семью преследуют и хотят убить. Жена мужчины поверила ему, а затем пара рассказала об угрозе своим уже взрослым детям.

Семья в спешке похватила вещи, оставила мобильные телефоны (по ним же можно выследить человека), села в машину и уехала в неизвестном направлении. На следующий день Марк решил, что погоня ведется за ним и покинул семью. Постепенно семья стала разделяться и распадаться. Двое детей поехали в одном направлении, кто-то спрятался в багажнике автомобиля, кто-то направился к Сиднею... Все члены семьи были совершенно убеждены, что за ними охотятся. Лишь по прошествии нескольких дней морок этой убежденности стал рассеиваться.

Чем опасно?

На что вы способны в одиночку? А в компании своих не менее чокнутых и безбашенных друзей, которые поддерживают и подначивают вас? Вот этим-то и опасен индуцированный бред. С увеличением числа участников он как будто удваивается и утраивается, становится все более интенсивным, толкает в целом психически здоровых людей на безумные поступки.

Механизм воздействия

Для того, чтобы запустить индукцию, необходимо, чтобы соблюдался ряд обязательных условий.

1. Длительный контакт. Носитель бреда может даже не знать о том влиянии, которое оказывает на других людей. Важно, чтобы жертва индукции пребывала в тесном контакте с индуктором. Это может быть ситуация, когда человек очень близко к сердцу воспринял рассказы гадалки Ангелины по телевизору, начал исследовать жизнь гадалки, смотреть ее лекции, семинары и программы, стал безоговорочно верить в гороскопы, натальные карты и прочистку кармы. Возможна ситуация, когда близкий человек неоднократно пересказывал какую-то случайно слышанную теорию заговора, в которую сам до конца не верил, а

жертва бреда приняла эти теории за чистую монету. Впрочем, в классическом варианте жертва бреда перенимает истинный бред индуктора.

2. Наличие абсолютного авторитета у индуктора. По этой причине самым частым вариантом индуцированного бреда являются родительско-детские отношения, чуть реже жертвами индукции становятся супруги, все члены семьи или члены секты.

3. Единое пространство. Лучше всего, чтобы индуктор и его жертва проживали в одном месте, но это также может быть общий культурный фон, например: секта, школа, работа.

4. Изоляция. Важным фактором развития индуцированного бреда является степень изоляции от остального мира. Если человек имеет широкий круг общения, то на него неизбежно влияет большое количество людей, а следовательно, неизбежно сохраняется критическое мышление. Чтобы человек проникся чужим бредом, он должен пребывать в изоляции от остального мира. Случаются варианты, когда индуцированные дети или супруги продолжают сохранять связи с внешним миром, но в этом случае в фабулу бреда обычно включается строгое правило: никому ничего не рассказывать, ибо все враги. К примеру жертва бреда преследования может считать, что все вокруг агенты ФСБ, поэтому ни с кем нельзя откровенничать и, конечно, никого нельзя обвинять в том, что он агент, иначе тебя «возьмут на карандаш». Жертва индукции перенимает правила игры и старается никому не рассказывать обо всем этом, но неизбежно, социокультурные связи у людей с той или иной формой бредового расстройства ослабляются.

Кто подвержен?

В той или иной степени, риску стать жертвой индуцированного бреда подвержены все. Не стоит думать, что это удел только внушаемых и безвольных людей. Все могут стать жертвой секты или культа, ведь если все вокруг

слышат голоса, то рано или поздно их начнете слышать и вы. Если же нет, то возникнет вполне логичный вопрос: кто здесь на самом деле сумасшедший?

*Как распознать жертву индуцированного бреда?
Как определить в паре, кто донор бреда,
а кто — рецепиент?*

Тут есть один единственный главный признак: когда жертву индукции отделяют от источника бреда, сила бреда начинает неуклонно ослабевать, а затем исчезают и все признаки чужого бреда. Если пару не представляется возможным сразу разделить, то есть другие косвенные признаки индукции.

1. Индуцированный бред слабее по силе убеждения. Жертвы индукции более склонны к поиску логического объяснения тех или иных бредовых суждений.

2. Легче пробуждается критичность мышления. Человек может поначалу демонстрировать стойкое убеждение в той или иной сверхценной идее, но в ходе разговора начинает скатываться к поиску логических объяснений, начинает демонстрировать некоторую неуверенность (сказывается слабость характера и демонстративность поведения. Человек видит, что от него ждут логических доводов, и он старается их найти).

3. Схожесть наполнения бреда у донора и рецепиента.

4. Единая среда для донора и рецепиента (общее место жительства, общая работа или община).

Массовый психоз

Массовая истерия, массовый психоз, или, как говорили психиатры XIX века, психические и умственные эпидемии — с точки зрения психиатрии, являются частным случаем индукции. Социальные психологи изучают толпу как феномен, но психиатрия и психоанализ в этом случае вы-

ступают в роли микробиологов, которых интересуют во все не толпа целиком, а лишь ее составные части, то есть люди.

История полна примерами самых разных массовых психозов. Не имеет значения, как сильно развита цивилизация и насколько сложные нейросети человек научился создавать. До тех пор, пока человек существует как вид, будут случаться и массовые психозы. Это следствие поразительной социальности человека.

Вот только несколько наиболее ярких примеров такого рода психозов:

Погромы домов евреев во время чумы

В середине XIV века Европа была охвачена чумой. Болезнь погружала в страшную агонию город за городом. Тысячи людей умирали в чудовищных муках, а трупы могли буквально валяться на улицах, источая смрад и навевая ужас. Мортусы, люди в черных кожаных одеяниях и с клювовидными масками на головах ходили по улицам, выискивая заболевших и умерших. Главной их задачей было забрать умирающего или умершего, а вот лечебные процедуры (весьма сомнительные с научной точки зрения) проводили далеко не все. В 1348 году в Тулоне кто-то заметил, что евреи из близлежащей общины практически не болеют чумой. Живут себе уединенно, только у колодцев с водой периодически можно кого-то увидеть. Может, они-то воду и отравляют?

Уже через несколько дней это предположение превратилось в абсолютную убежденность всех еще живых жителей города в том, что это именно евреи из ближайшей общины отравляют воду в колодцах, чтобы выморить всех католиков и захватить власть в городе. Еще через пару дней люди ожесточенно крушили дома ни в чем не повинных людей, а на улицах устраивали показательные и жестокие казни иноверцев.

Еще через пару недель это безумие перекинулось и на другие города.

Танцующая эпидемия

В начале XVI века Страсбург поразила очередная вспышка чумы. Ежедневно болезнь забирала жизни людей, погружая деревушку в черное, беспросветное уныние. И в этот момент обычная женщина по фамилии Троффи, то ли обезумев от горя, то ли сойдя с ума от страха, вышла на улицу и стала танцевать. Вскоре к ней присоединилось несколько человек, потом уже стали присоединяться целые компании, а вскоре уже весь город танцевал. Четыреста человек безумно танцевали день и ночь. Кое-кто падал, не выдерживая ритма, но о нем тут же забывали. Люди гибли от чумы и истощения, но продолжали танцевать. И вот уже больше десяти человек в день падали замертво от усталости и истощения, но и это не останавливало безумную толпу.

Салемские ведьмы

В середине XVII века в Салеме, небольшом американском городке первопоселенцев, у девятилетней дочери пастора вдруг проявились признаки эпилепсии, а на следующий день и у племянницы священника появились те же симптомы падучей. Все решили, что это дело рук ведьмы, и стали ее искать. Девочки указали на служанку Титубу, которая мало того, что была темнокожей, но еще и вечно им замечания делала. Молодую женщину арестовали, но от в городе стали появляться все новые случаи припадков. И разразилась настоящая охота на ведьм, в результате которой в Салеме казнили 14 женщин и пятеро мужчин. Продолжалось это безумие несколько лет.

Эпидемия смеха

В середине XX века в одной из школ Танзании во время христианской службы три ученицы вдруг на-

чали истерически смеяться, и никак не могли остановиться. Через час еще несколько учениц впали в то же странное состояние, а потом уже вся школа смеялась. Через несколько дней припадки смеха стали случаться и в соседних школах. Продолжалась эта эпидемия в течение полутора лет.

Как это работает?

Важно понимать, что индукция в условиях массового психоза — это естественная реакция психически здорового, нормального человека. К счастью, наше общество состоит не только из нормальных людей. Подобно пожару или эпидемии, массовый психоз постепенно начинает разрастаться, с каждым днем и каждым часом захватывая в свои «объятия» все большее число людей. «Заразность» и сила эффекта в этом случае повышаются с увеличением числа заразившихся, так как вместе с этим улучшаются условия для распространения психоза. К таким относятся:

1. Замкнутая среда и единое информационное пространство. Закрытая школа или глухая деревушка в этом случае являются идеальным примером замкнутого пространства. Чем больше вовлеченных, тем меньше становится пространства для альтернативного мнения, и тем сильнее становится убежденность людей в своей правоте. Здесь важна только первая школа или деревушка, так как когда психоз перекинется на соседнюю деревню, содержание бреда (это слово упомянуто в самом, что ни на есть научном смысле этого слова) будет подкреплено опытом жителей первой деревни или школы. Не могут же столько людей ошибаться!

2. Значимая персона. Важным условием индукции или «заражения», как уже говорилось, является авторитетное мнение. Если человек, которому вы доверяете, заражается идеями психоза, то велика вероятность, что заразитесь и вы. В случае массового психоза, риск, что в вашем окружении окажется человек,

«зараженный» идеями психоза кратно возрастает. Помните сакраментальный вопрос о том, пойдете ли вы с крыши прыгать, если все идут. Плохая новость в том, что нормальный человек в этой ситуации должен будет пойти прыгать. Человек — социальное животное, и стремление быть причастным к стаду для него часто важнее сохранения собственной жизни.

3. Самоочищение. Ни одна болезнь не имеет стопроцентной заражаемости, но в случае массового психоза общество начинает самостоятельно отторгать людей, не подверженных идеям психоза. Постепенно, люди, не подверженные влиянию массовой истерии, оказываются в положении изгоев.

А если я не такой, как все?

Если человек в условиях массового психоза вдруг начинает непонимающе оглядываться по сторонам в поисках поддержки или какого-то логического объяснения происходящего (например, в случае «эпидемии смеха» в Танзании, далеко не все ученики заразились безудержным смехом), то, весьма вероятно, он принадлежит к числу людей с выраженной акцентуацией, и ему остается только два варианта действий.

1. Истерическая реакция (к слову «истерика» или «истерия» не имеет никакого отношения) — это всего лишь реакция человека, склонного к демонстративному типу поведения. Такие люди с большей вероятностью выбирают публичные профессии и прекрасно ладят с людьми. Проблема в том, что они целиком и полностью зависимы от мнения других людей, а ладят с людьми они по одной простой причине, они прекрасно считывают то, какого именно поведения от них ждут, и выдают именно такую реакцию. В условиях массового психоза люди с таким типом реакции становятся самыми громкими и самыми яркими приверженцами идеи. Если вдруг все начинают верить в то, что евреи отравляют воду, люди с этим типом реакции начнут рассказывать, что буквально вчера виде-

ли, как один еврей выливал что-то в колодец. В случае с «танцевальной эпидемией» во время чумы, они будут танцевать так яростно, что, в конце концов, упадут замертво. Во время «эпидемии смеха» такие люди смеялись громче всех. В этом случае нельзя говорить о том, что это двуличие конформистов, у которых нет своего мнения. Все эти процессы происходят неосознанно. Такие люди вполне могут поплатиться жизнью за свое умение тонко чувствовать настроения толпы. Для человека с выраженным истеричным радикалом нет ничего важнее в жизни, чем осознание себя частью коллектива, признание своей роли в обществе. Их организм тонко чувствует эту потребность и выдает соответствующую реакцию. Человеку свойственно верить лжи, особенно, если источник вранья он сам.

2. Шизоидная реакция (ничего общего с шизоидностью и шизофренией этот термин не имеет) — она проявляется в потребности к анализу происходящего. Такие люди обычно замкнуты, сосредоточены, скрытны, редко умеют найти общий язык с людьми, так как игнорируют сигналы других людей. Иногда они понимают, какой реакции от них ждут, иногда — нет, но почти никогда не оправдывают ожиданий других людей. Они всегда стоят в стороне. В случае массового психоза они молча отходят в сторону или даже начинают высказывать свое критическое мнение по данному вопросу. Беда в том, что их никто не услышит. Люди с развитым шизоидным радикалом не умеют уверенно держаться на публике и заражать идеями. Они ведь не умеют нравиться людям, не мимикрируют и выглядят не уверенными в том, что говорят. Их голос теряется в бушующей толпе, а им достается роль печальных выбросов из статистики.

Ничто не вечно. Все проходит. Постепенно «выбросов» становится все больше, и вот уже в вашем окружении появляется человек, который не подвержен массовому психозу, а потом еще один и еще... Вскоре начинаете сомневаться и вы. Массовый психоз стихает или сменяется новым.

Паника

Паника является естественным следствием массового психоза. Человек в новых неопределенных обстоятельствах начинает испытывать страх за свою жизнь. Чем более неопределенными становятся обстоятельства, тем это чувство становится сильнее.

Паника в случае одного человека или толпы, не имеет значения, напоминает цитокиновый шторм, тотальную инфекцию, поражающую все системы организма. Движущей силой паники всегда становится страх за свою жизнь. Этот страх присущ каждому человеку, но в обычных условиях мы умеем с ним уживаться. Если же условия меняются, или ваш мозг вдруг решает, что условия изменились и теперь угрожают жизни, то организм получает команду как-то отреагировать на стресс.

«Замри, беги или бей», — у человека не так уж много вариантов для действий в этом случае. Если же условия не просто изменились, но и в какую-то непонятную сторону, то в условиях неопределенности страх растет в геометрической прогрессии и буквально парализует организм. Человек не может ни замереть, ни убежать, ни ударить, а угроза жизни все нарастает, и человек начинает чувствовать приближение смерти. В случае массовой паники происходит то же самое. Один человек в какой-то момент понимает, что его жизнь под угрозой, и начинает противопоставлять себя толпе. Затем второй это осознает и третий... В итоге вся толпа, состоящая из людей, начинает уничтожать саму себя. Каждый человек в панике противопоставляет себя толпе. Клетки уничтожают единый организм, разрушая толпу и превращая ее в нечто непрогнозируемое и неконтролируемое.

Итак, на что мы способны, когда нам страшно? Ответ на этот вопрос напрашивается сам собой. Мы готовы слиться с толпой и противопоставить себя ей. Убить или умереть. Мы готовы пойти прыгать с крыши, потому что прыгнули уже все.

* * *

Это книгу составило три части, каждая из которых предлагает свое понимание того, как и в какой степени человек подвержен влиянию толпы. В первой части французский врач Поль Реньяр рассказывает о разного рода умственных эпидемиях на самой заре развития психиатрии и психологии как науки. Во второй части Зигмунд Фрейд расскажет о том, как чувствует себя человек под влиянием толпы, какие силы руководят им, когда он поддается психозу или панике. Третья часть посвящена толпе как единому целому. Нобелевский лауреат по литературе, социальный психолог и философ Элиас Канетти расскажет о том, каким законам подчиняется толпа, каковы механизмы развития паники и массового психоза, как понимать толпу и как остаться человеком.

Елизавета Бута

Поль Реньяр

УМСТВЕННЫЕ ЭПИДЕМИИ¹

Историко-психиатрические очерки

Паника — самое заразительное
из всех человеческих чувств.

П. Реньяр

ПРЕДИСЛОВИЕ

Из всех атрибутов нашего духа мы, разумеется, больше всего гордимся своей свободой.

По мнению философов, человеку присуща свобода воли — он действует по собственному произволу; и из нравственной независимости людей вытекает их ответственность за совершаемые поступки. На этом основном принципе базируются все учения о наградах и наказаниях. Не следует, однако, полагать, что этот принцип является общепризнанным: теория свободы воли встретила отпор со стороны философской школы, пытавшейся доказать, что мы не свободны и что наша независимость может полностью проявиться лишь в весьма редких и исключительных случаях. Разве мы не подчиняемся физическим законам? Разве любое наше уклонение от их требований не влечет за собой и соответствующего наказания? Напротив, это — бесспорный факт, хотя он и выходит за рамки нашего предмета.

Физиологи обращают внимание представителей чисто психологической школы на то, как часто свобода воли встречается на своем пути препятствия. Если в течение одной только минуты кровь или кислород перестанут поступать к мозгу, разве этого будет недостаточно, чтобы все наше нравственное существо, т. е. сознание, ум, воля,

¹ Перевод — Эл. Зауэр.

рассудок и чувствительность моментально исчезли? Капля алкоголя или эфира достигает наших нервных центров — и этого достаточно для временного ослабления нашей рассудочной деятельности, для направления нашего ума в сферу диких идей, бессмысленных слов и совершения действий, в которых мы раскаемся, когда пройдет временное действие яда.

Все эти замечания, направленные против абсолютной нравственной свободы человека, несомненно, справедливы; но лица, их высказывающие, несколько завышают их значение. В действительности они относятся к патологическому состоянию, в которое впадает человек после того, как его интеллект перестает нормально функционировать. Разве можно утверждать, что люди вообще не обладают нравственной свободой, лишь на том основании, что ее утратили отдельные лица? Это все равно что утверждать, будто человек вообще лишен зрения и слуха, потому что иногда встречаются слепые и глухие.

Понятно, что таких грубых аргументов недостаточно, чтобы поколебать учение об абсолютной свободе воли¹.

Даже в наших чисто психических проявлениях мы не бываем совершенно свободны, поскольку существует своего рода социальный миметизм, увлекающий нас. Ребенок воспитывается с помощью примера, он подражает родителям. В обществе люди подражают друг другу; и все эти условия подражания в совокупности составляют то, что принято называть умением себя вести. Сначала это делается сознательно, а впоследствии становится инстинктивным. Подражание может быть неудержимым, заразительным, внезапным и иногда даже опасным. Возьмите людей благоразумных, вполне владеющих собой, и соберите их

¹ Здесь было бы неуместно заниматься богословием, но, как известно читателю, сама церковь ограничивает нашу нравственную свободу, утверждая, что мы не в состоянии побеждать греховные соблазны собственными силами и достигаем этого только при помощи божественной благодати. Знаменитые богословские споры, посвященные этому вопросу, заняли собой весь конец XVII века. — *Прим. авт.*

вместе — при этом нельзя поручиться, что вследствие увлечения они не совершат действий и не примут решений, в которых каждый из них будет раскаиваться, оставшись наедине с самим собой. Опуститесь ступенью ниже, наберите первых попавшихся людей и образуйте из них толпу, и тогда вы увидите, до каких излишеств они будут в состоянии дойти. Эта склонность к подражанию была уже давно подмечена законодателями всех времен; вот почему везде существуют законы, направленные против массовых собраний.

В области идей более возвышенных именно влиянием подражания следует объяснять принятие внезапных решений, которые вовлекают в войну, революцию или возмущение целые нации, в то самое время, когда в них самих, по-видимому, царят полнейший мир и покой. История кишит подобными внезапными пробуждениями, вызванными небольшой группой решительных людей, увлекающих массу своим примером.

Наряду с подражанием добру встречается и подражание злу. В истории бывают моменты, когда целой нацией словно овладевает недуг и она утрачивает свободу воли. Эта сильно свирепствующая эпидемия затем потихоньку утихает и сменяется периодом спокойствия, который может продлиться более или менее продолжительное время. Существует и сумасшествие по подражанию. Наряду с физическими эпидемиями бывают эпидемии умственные. Сущность их всегда одна и та же, обстоятельства влияют лишь на формы эпидемий, которые обусловлены средой, первоначальным импульсом и окружающими условиями. Средневековые эпидемические сумасшествия основываются на том же принципе, что и наши, но, тем не менее, не похожи на них.

Я был занят изучением этих социальных недугов, когда почтенный декан парижского *Faculté de Sciences*, г-н Мильн-Эдвардс, предложил мне изложить перед Французской научной ассоциацией новейшие открытия в области нервной патологии.

Мой труд, разумеется, не может претендовать на полноту. Чтобы соответствовать последнему требованию, он должен был бы охватывать историю всех народов. Я выбрал для своих публичных лекций те умственные эпидемии, которые являются особенно характерными для каждой данной эпохи, и пренебрег некоторыми из них (например, алкоголизмом), потому что они слишком известны.

В моей работе мне очень помогли мои знаменитые коллеги. Профессору Шарко¹ было угодно, во время моего пребывания в Сальпетриере², допустить меня до участия в его ежедневных работах; господа Жюль Луи, Мэнэ, Маньян, Бруардель³ и мои друзья Бурнилле и Шарль Рише сообщили мне свои личные наблюдения и материалы. Выражаю им за это мою искреннюю благодарность.

Публика большого амфитеатра Сорбонны удостоила мои лекции благоприятного приема. Не знаю, какая судьба ожидает книгу, в которой они собраны, но я был бы счастлив, если бы она смогла несколько расширить кругозор читателя на одну из интереснейших сторон человеческой жизни.

Сентябрь, 1886 год

¹ Жан-Мартен Шарко (1825—1893) — французский врач-психиатр и педагог, учитель Зигмунда Фрейда, специалист по неврологическим болезням, основатель нового учения о психогенной природе истерии. Провёл большое число клинических исследований в области психиатрии с использованием гипноза как основного инструмента доказательства своих гипотез. Основатель кафедры психиатрии в Парижском университете. Член Парижской академии наук (с 1863 года), был членом Французского географического общества. — *Прим. ред.*

² Сальпетриер, или Питье-Сальпетриер — старинная больница в Париже, в 13-м городском округе. Основана в 1656 году; название унаследовала от пороховой фабрики, на месте которой была выстроена (фр. salpêtrière — «склад селитры»). В 1964 году к ней была присоединена другая парижская больница — Питье. С Сальпетриером связана деятельность таких известных врачей и психиатров, как Филипп Пинель, Жан-Этьен Доминик Эскироль, Жан-Мартен Шарко, Зигмунд Фрейд и др. В настоящее время Сальпетриер-Питье представляет собой университетский больничный комплекс, занимающий обширную территорию площадью 33 га. — *Прим. ред.*

³ Великие французские психиатры конца XIX века. — *Прим. ред.*

ГЛАВА 1. XV, XVI и XVII ВЕКА. ДЕМОНИЗМ ИЛИ КОЛДОВСТВО

В 20-й главе книги Левит есть фраза, неудачное толкование которой имело не менее пагубные последствия для человечества, чем самые смертоносные огнестрельные изобретения и самые ужасные войны: «Мужчина ли или женщина, если будут они вызывать мертвых или волхвовать, да будут преданы смерти: камнями должно побить их, кровь их на них». Вот где следует искать начало великих преследований, мрачное изображение которых мне предстоит нарисовать перед читателем.

Не знаю, какое впечатление произведет на него эта картина, но что касается меня лично, то мне кажется, что нет предмета печальнее того, изучению которого я посвятил себя и результаты которого намерен изложить в этой книге.

Эпохой процветания колдовства были Средние века и период Возрождения, и к этому же времени относится наибольшее количество ее жертв.

По-видимому, XV и XVI века особенно страдали этим ужасным недугом. В древности тоже верили в колдунов, но тогда в них видели существ, вдохновенных самими богами. Из боязни перед ними их окружали почетом и никогда бы не решились навредить им: в греческой и римской мифологии бог ада не находится во вражде с властителем Олимпа, он — его брат и союзник, и в случае надобности исполняет его приказания, поэтому и колдун — не воин враждебного стана, а вдохновляется одновременно обоими повелителями, потому и пользуется почетом.

В Средние века религиозные представления приняли иное направление: два почти равных существа оспаривают друг у друга власть. У Бога есть личный враг, которого Он мог бы уничтожить, но которого Он, тем не менее, сохраняет: Божество, по своей неизреченной справедливости, позволяет ему терзать человечество с тем, чтобы

люди, противодействуя злему началу, укреплялись в добродетели. Это — первородный грех, стремящийся привлечь к себе души и вырвать их у Искупителя. Он борется, он противится своему владыке и уступает ему лишь в последней крайности. Древность создала Ормузда и Аримана. Средние века, увлеченные манихейством, хотя и не сознаваясь в этом, противопоставили Богу и его избранным Сатану с его несметными легионами.

Между двумя враждебными началами разгорается война. Они стремятся уравновесить свои силы: у Всемогущего есть ангелы и небесные полки, а у Сатаны — бесчисленные полчища демонов, имя которым легион. Рати его многочисленны. Кадры их образуются военачальниками, имена которых дошли до нас: Вельзевул, Асмодей, Магог, Дагон, Астарот, Азазель и Габорим. Это нечто вроде командиров когорт, у которых есть свои ассистенты, а за ними уже тянется громадная толпа демонов, борющихся с ангелами в рукопашную. У всякой души, наряду с охраняющим ее ангелом, есть и демон, внушающий зло. Ей предстоит сделать выбор между ними.

Обе стороны используют аналогичные приемы, вследствие справедливой терпимости Бога, предоставляющего своему врагу равенство оружия. Бог воплотил себя во Христе для спасения рода человеческого, а завистливый Сатана входит в наиболее слабые существа, овладевая ими при помощи их уст. Он уничтожает их индивидуальность: таким образом, они становятся *одержимыми*. Во время припадков бешенства он даже вторгается в тела самых отвратительных животных, и только одна смерть может выгнать его оттуда, если не удалось изгнать его заклинаниями во имя неба.

Не трудно теперь представить себе ужас, внушаемый подобными верованиями: любой человек может опасаться, что не сегодня-завтра его небесный заступник будет побежден и что сам он, беззащитный, попадет во власть злого духа. От подобных опасений до сумасшествия всего один только шаг.

Но *одержимость*, или *вселение беса* — не единственное оружие Сатаны. Он главным образом является в роли соблазнителя. Власть, предоставленная ему небом, делает его способным оборачиваться в разных лиц и принимать любую личину. Он вдруг появляется перед бедной женщиной, умирающей от нищеты и голода: его руки полны золота, он обещает оставить ей все это богатство, но при одном условии — чтобы она предалась ему в договоре, начертанном и подписанном кровью.

Злой демон бродит всюду: мы его встречаем в замках, хижинах и лесах, везде какой-нибудь его приспешник готов немедленно приняться за совращение злосчастного, покинутого Богом хотя бы на минуту. Можно, следовательно, свободно отдаться злему духу и в таком случае превратиться в колдуна. Человек становится служителем Сатаны в этом мире, прежде чем сделаться его рабом на том свете

У Бога есть священнослужители и верные последователи на земле. Каждое воскресенье Он собирает их в своем храме. Сатана тоже имеет своих слуг и преданных ему людей. Он установил для своих целей как бы особый приемный день и собирает их ночью в каком-нибудь уединенном месте. Это и есть шабаш.

По представлениям средневековых богословов, колдун — это человек, дезертировавший из армии добра и перебежавший в стан Сатаны. Он — его раб на земле, который слепо ему повинуетя и совершает, по его требованию, все преступления против избранных Божьих. Колдун есть, следовательно, злейший враг всего человечества, изменник, скрывающийся в армии добра, втайне наносящий болезни и отравы по приказанию своего повелителя. Его преступление превосходит все существующие. Он ужаснее всех вследствие присущей ему таинственности. Колдун не заслуживает пощады. Вот когда вновь выходят на сцену грозные слова из книги Левит: «если бу-

дут они вызывать мертвых или волхвовать, да будут преданы смерти!»!

Этот воин Сатаны, этот служитель зла, каким образом достигает он своих целей? Мы узнаем это из тщательного разбора процессов и допросов колдуний. Я очень внимательно просмотрел большую часть относящихся сюда юридических документов и признаюсь, что они производят весьма тяжелое впечатление. В них бессмысленное примешивается к ужасному, вульгарное встречается наряду с возвышенным, мужество обвиняемых поражает, а тупость судей коробит душу: чувствуешь, что возвращаешься среди безумцев, но затрудняешься сказать, кто же из них сильнее помрачен — несчастные ли, обвиняющие себя, или судьи, их приговаривающие. Чтение таких процессов одновременно и грустно, и смешно. Одно из светил французской медицины определило его следующим образом: «это чтение подвергает читателя пытке щекотанием — смех примешивается к страданию».

Мишле где-то говорит, что колдуньи были порождением отчаяния. Источником этой формы сумасшествия действительно была бедность, страдания или горе, подобно тому, как и ныне указанные нами факторы часто вызывают меланхолический или горделивый бред. Форма помешательства была иная, вследствие различия в нравах эпохи, но результат был одинаков. В один прекрасный вечер к женщине, подверженной конвульсивным припадкам, являлся изящный и грациозный кавалер. Он нередко входил через открытую дверь, но чаще появлялся внезапно, словно вырастая из-под земли. Соблазнитель почти никогда не выглядел отталкивающе.

Посмотрим, как описывают его колдуньи на суде: он одет в белое платье, а на голове у него черная бархатная шапочка с красным пером или же на нем роскошный кафтан, осыпанный драгоценными камнями, вроде тех, что носят вельможи. Незнакомец является или по собственной инициативе, или на зов, или же на заклинание своей будущей жертвы. Он предлагает ведьме обогатить ее и

сделать могущественной, показывает ей свою шляпу, полную денег, но, чтобы удостоиться всех этих благ, ей придется отречься от крещения, от Бога и отдаться Сатане душой и телом.

Не трудно догадаться, что мы имеем здесь дело с формой ясно выраженной галлюцинации. Женщина, которую гложет какое-нибудь горе, вдруг видит перед собой образ, похожий на видения, описания которых ей так часто приходилось слышать с самого детства. Это существо, внушающее страх, есть Сатана. Он предлагает все блага с тем, чтобы отдалась ему... Прочь колебания! Современные галлюцинанты поступают точно так же, но только в их видениях фигурируют принцы и государи, подносящие им отличия и префектуры. Сатана прибегает к маскировке только при первом появлении, затем он не скрывает больше своей личности и совершенно ясно объявляет, кто он такой, и на первый предложенный ему вопрос отвечает перечислением всех своих достоинств. Дьявол высшей категории появляется таким образом весьма редко. Обыкновенно же это бывает простой рядовой из полчищ Сатаны, призывающий на подмогу одного из своих начальников только в том случае, если первая попытка окажется неудачной. По-видимому, в аду царит принцип разделения труда, равно как и очень строгая иерархия, так как самый благоразумный из известных нам демоологов, Жан Вейер, насчитывает в Сатанинской армии 62 герцога, маркиза и графа и 7 405 928 чертенят.

Стремясь к обращению новой жертвы, дьявол использует любые средства (обратите внимание на оборот, принимаемый галлюцинацией), он нередко даже говорит о Боге, и притом только хорошее. Однажды близ Дуэ ему повстречалась Луиза Марешаль, шедшая на богомолье для упокоения души своего мужа. Он советует ей усердно молиться Богу и надеяться. Затем он вручает ей маленький раскрашенный шарик, обладающий свойством обречь на гибель все, к чему он прикоснется. Луиза Марешаль, уличенная в пользовании этим шариком в своей семье, была сожжена живой в Валансьене.

В другой раз демон появляется в Сен-де-Дюке. Он советует женщине идти на богомолье в Сен-Гилен и заказать там заупокойную обедню для своего мужа. Этот факт нелогичен, но зато весьма ценен для медиков, так как и у нынешних галлюцинаток мы констатировали такую же особенность. Достаточно непродолжительное время прослужить в лечебнице для душевнобольных, чтобы увидеть там принцесс, объявляющих, что они будут принимать свой двор после того, как уберут посуду.

Не стоит думать, что демон обращался исключительно к престарелым субъектам, напротив, он любил детей. В больших умственных эпидемиях они, как правило, заражаются первыми. Катерина Полус была ведьмой в 8 лет. Она происходила из семьи, в которой все страдали сумасшествием, и объяснила, что была посвящена дьяволу. Мария Девин стала колдуньей в 13 лет.

Но возвратимся к посвящению в ведьмы. Демон, сделав известные предложения ведьме, называл ей свое имя. Характерно при этом то, что он никогда не носил библейских имен, столь излюбленных демонологами. В своих галлюцинациях крестьянка давала ему мужицкое имя: Жоли, Робен и т. д. В свою очередь, из зависти к небу, демон крестил ведьму, не заботясь о том, именем ли святой он ее крестит или нет. Затем он налагал на нее знак, получивший впоследствии большую важность, — он прикасался к ее руке, лбу, месту за ухом, и с этого момента все эти точки становились навеки нечувствительными, так что можно было их колоть, не вызывая ни боли, ни крови. Именно оно породило представление о *печати сатаны*. Мы увидим, какие результаты были извлечены из этого обстоятельства во время процессов ведьм.

Демон часто навещал вновь обращенную жертву, утешал ее и в заключение вручал ей документы, которые свидетельствовали о ее формальном приеме в царство преисподней. Это и был договор, на котором каждый вновь приобщенный ставил свою подпись. Обыкновенно его писали собственной кровью, а демон прикладывал к нему свой коготь. Я отыскал в богословском трактате, на-

печатанном в 1625 году Жильбером де Восом, факсимиле таких подписей, оставленных духами. На рисунке видно, что все места, которых касались пальцы демона, покрыты ржавчиной и выжжены; на другом рисунке виден след, оставленный духом на договоре. Далее я приведу письмо демона, сохранившееся в Национальной библиотеке и испещренное орфографическими ошибками.

Не следует, впрочем, предполагать, что демон в точности исполнял свои обещания. Ненадежность его слов обнаруживалась весьма быстро, потому что сразу же после его ухода ведьма замечала, что вместо полученных золота и драгоценностей у нее осталась всего лишь охапка сухих листьев или несколько кусочков дерева. Современным душевнобольным тоже не чужды подобные неприятные разочарования, когда, по прошествии галлюцинации, они убеждаются в том, что их скипетры, шпаги и драгоценности на самом деле самые обыденные, некрасивые, ничего не стоящие предметы.

Я уже говорил, что для Сатаны все средства хороши и любые мистификации возможны. Если демон решил прельстить какого-нибудь великого святого или высокочтимого отшельника, то он найдет на него легион чертенок чудесной красоты, так как в аду, по-видимому, есть и женщины. Это его излюбленный прием, который он часто с успехом применяет. Однако случается, что и ему наносят урон: вспомните по этому поводу св. Антония. Нередко, для более успешной мистификации, волк облачается в личину пастыря, а злой дух — в маску отшельника. На одной старинной гравюре злой дух изображен в образе монаха. В таком виде он забрался в монастырь Сен-Лефроя, но его узнали по его куриным лапам и жестоко наказали.

В заключение скажем, что колдовство, или, точнее, демонопатия, подобно всем формам помешательства, начинается рядом галлюцинаций. На первый взгляд сходство галлюцинаций у всех колдуний может показаться поразительным. В этом, однако, нет ничего странного, поскольку на форму помешательства решающее влияние оказывает действительность: в прежние времена безумцам являлись

видения демонов и духов, а современных душевнобольных, находящихся в лечебницах, нередко преследует физика и мерещатся индукционные катушки и электромагниты.

Я помню одну больную учительницу, находившуюся в Сальпетриере, которая до такой степени бредила статическим электричеством, что ходила целыми днями и даже спала с фарфоровой чашкой для умывания на голове, объясняя это плохой электропроводимостью фарфора. Процесс помешательства всегда одинаков, а господствующие идеи изменяют только его внешние проявления.

Но возвратимся к нашей колдунье и посмотрим, во что превратилась ее жизнь с того момента, как она отдалась Сатане. Прежде всего, она обязана была ему повиноваться, так как входила в состав армии зла. Сатана имел право рассчитывать на ее службу и содействие. Она могла слезить и совершала злокозненные поступки, вместе с тем она подвергалась конвульсивным припадкам, на которых нам необходимо остановиться отдельно. Лишь после внимательного чтения процессов ведьм можно составить отчет о преступлениях, которые им ставились в вину. Воден, Богэ, де-Ланкр, Николай Реми, представители судебного мира, которым в разное время поручалось произвести дознания в процессах ведьм, постарались оставить нам их подробное описание. Всего было 15 преступлений, в которых их уличали: из них 10 — против Бога и 5 — против людей. Прежде всего, колдуньи отрекаются от Бога, предают Его поруганию, поклоняются дьяволу, заключают с ним договор, посвящают своих детей Сатане, умерщвляют их до крещения, занимаются пропагандой, призывают дьявола и, наконец, не признают законов природы. В преступлениях против людей пункты обвинения отличались большей точностью. Они касались не преступлений против веры, а лишь нарушений общего права, которые отличались от обыкновенных преступлений только необычностью средств, пущенных в дело, и способом их приобретения.

С первого же свидания дьявол дарит ведьме волшебные порошки. Стоит только подмешать ничтожное количество этого порошка к пище какого-нибудь человека, чтобы он тотчас погиб или же умер медленной смертью от истощения. Иногда ведьме достаточно было бросить всего щепотку магического порошка на прохожего, чтобы тот моментально умер. Иногда же, для придания средству действенности, ей надо было произнести несколько магических слов. У Бодена и Вейера сохранились эти страшные слова, и если вы не боитесь их магического действия, то я дерзну начертать их здесь: «Joth, aglanabarothe el abiel ena thiel amasi sidomel gayes folonia elias ischiros athanatos umas eli messias».

Порошок изготовляли из трупов новорожденных, главным образом из их сердец. Кроме этого, его еще делали из смеси толченых костей мертвецов с пеной жаб. Вот почему колдуний нередко обвиняли в том, что они воспитывали этих животных и пасли их, что не совсем ясно. Помимо порошков, были еще мази, но они употреблялись редко, так как для обращения с ними требовалось много уменья. В их состав входил жир мертвецов и мандрагора, эти снадобья фигурируют и на шабашах. Нельзя не отметить того странного обстоятельства, что все подобные порошки были совершенно безвредны в руках обыкновенных людей, а для проявления их действия было необходимо, чтобы они исходили от ведьмы. Это служило лучшим доказательством их магического свойства, и сама безвредность этих препаратов превращалась в подавляющий аргумент против ведьмы: такова была логика судей.

Когда ведьма рассеивала свои порошки по жатве, то всходы начинали чахнуть, поля покрывались сусликами, червями, жабами и громадными змеями. Иногда было достаточно посыпать этим порошком или произнести несколько магических слов, чтобы перенести плодородие с поля одного крестьянина на поле соседа. Ведьмы имели также власть насылать проливные дожди и град. Для этого им стоило только ударить по луже палкой. Если человек чувствовал, что стал жертвой козней колдуньи, и желал

уклониться от них, то он прибегал к привычным в такого рода случаях средствам. Они были разнообразны. Можно было, например, прибегнуть к заклинаниям — есть такие магические слова, которые обладают свойством изгнать дьявола, — ими наполнен толстый том в 400 страниц. Но большое число вспомогательных средств прямо указывает на их слабость, поскольку, если бы существовало какое-нибудь достаточно действенное средство, то оно одно бы и сохранилось. Иезуиты, капуцины и доминиканцы специально занимались заклинаниями.

Вообще, удобнее всего было вступать в *компромисс с дьяволом*. Первый факт, который необходимо было установить потерпевшему, — личность колдуна или колдуньи. Ничего не могло быть проще: с этой целью нужно было кипятить в новом глиняном горшке иголки вместе с дубовыми щепками. Первый, кто после этого явится в дом, и есть колдунья, и тогда можно без всяких колебаний донести на нее в суд. Отсюда видно, как опасно было в те времена посещать своих друзей.

Когда колдун разыскан, необходимо было молить его об избавлении. Тогда он вызывал Сатану и погружал фунтовый хлеб в освященную воду. На этом дело и заканчивалось. Служитель Сатаны, употребляющий святую воду, какая в этом звучит ирония!

Если колдунья постоянно наносила ущерб окружающим, то из этого не следует заключать, что ее собственная жизнь была непрерывным празднеством. Мы уже видели, как дьявол обманывал ее, превращая подаренные ей драгоценности в негодные предметы. Хуже того, при малейшей попытке неповиновения с ее стороны демон бил и терзал свою жертву, вселялся в нее и делал ее одержимой, как говорили в те времена. Он выступал от ее имени и ее устами изрекал кощунства, направленные против самого Бога. Тогда происходил целый ряд явлений, представляющих большой интерес в медицинском отношении. Обращаю на них внимание читателя, так как мы с ними встретимся вновь при изучении одной болезни, хорошо известной в наши дни. Знакомство с ними позволит нам

объяснить реальный элемент в колдовстве. Борьба обыкновенно принимала этот характер в присутствии заклинателя, и дьявол, чтобы не упустить своей жертвы, вселялся в нее. Иногда он скручивал одержимую и повергал ее в страшные конвульсии: на это зрелище собиралась толпа соседей, и не трудно было предвидеть, что несчастной угрожала близость уголовного процесса.

Описание таких припадков у колдуний завело бы нас слишком далеко. А потому я заимствую из трактата о демонизме, напечатанного в 1659 году в Амстердаме Абрамом Палингом, несколько гравюр, которые познакомят читателя с их различными моментами. Например, во время обеда колдунья вдруг падала на пол со страшным криком. Она билась в судорогах, ее лицо утрачивало человеческий облик, и сам дьявол сводил ее черты. Посмотрите, какой испуг написан на лицах всех приглашенных. Все ее тело вздрагивало, она оглашала воздух воплями, изо рта у нее шла пена. Наконец дьявол покидал ее, причем его выход из тела бесноватой сопровождался страшными приступами рвоты.

Вот еще одна гравюра того же автора, на которой колдунья представлена в таком же состоянии, с той лишь разницей, что припадок совершается иначе, и присутствующим стоит ужасных усилий удержать несчастную, которая пытается выброситься в окно. Затем у этого же автора мы находим колдунью, которая падает на пол во время семейного совещания. Обратите внимание на то, как у нее отведены назад кисти рук. Это — характерный признак, к которому я вскоре возвращусь.

Особенно часто подобные припадки беснования случались во время проповедей и церковных обрядов. Привожу еще одну гравюру, заимствованную у Палинга, на которой изображен припадок, начавшийся в самой церкви, в то самое время как проповедник трактует о власти демона.

Внимательно ознакомившись с описаниями припадков, можно сделать вывод о том, что сведение членов у бесноватых могло достигать необычайной степени. По-

смотрите на эту старинную картинку: на ней изображен несчастный, стоящий на голове вверх ногами, который вызывает изумление у всех присутствующих. Других сводило в виде дуги: они опирались лишь на затылок и на пятки, затем ими овладевали конвульсии, во время которых их подбрасывало вверх. Завершался припадок бредом и рвотой.

Перехожу к очень важному явлению в колдовстве, а именно к ряду вызванных (*provoquées*) галлюцинации, подавших повод к появлению представлений о шабашах ведьм. Из зависти к Богу дьявол задумал, подобно ему, раз в неделю собирать своих приверженцев. С этой целью он учредил шабаш, на котором в искаженном виде совершаются все церковные обряды.

Существует два главных шабаша — малый и большой. Вся разница между ними заключается лишь в том, что на большой шабаш собираются колдуньи всего округа. Это сборище обычно происходит ночью в пустынной местности, заросшей вереском, на покинутом кладбище, вокруг виселицы, развалин замка или монастыря. Чтобы попасть туда, ведьмы пользуются весьма простым средством — дьявол вручил колдунье специальную мазь, приготовленную из печени детей, умерших некрещеными. Колдунье достаточно намазать себе тело этой мазью, произнести магические слова и сесть верхом на помело, чтобы тотчас же полететь по воздуху. По общему мнению, в состав этих мазей входил сок паслена, мандрагоры и белладонны, обладающих свойством вызывать продолжительные и связные галлюцинации.

Взгляните на гравюру XVIII века — на ней изображена колдунья, намазывающая тело, в то время как другая уже вылетает из трубы верхом на палке. Иногда колдунья просто призывала своего демона, тот сажал ее себе на плечи и летел с ней. Нечто подобное изображено на гравюре, заимствованной нами из «Богословского трактата», написанного в XVI веке преподобным отцом Гуачиусом.

Во время пути колдуньи защищали себя от дождя какими-нибудь магическими словами. Посетители шаба-

ша подвергались предварительному осмотру, они должны были доказать, что носят на теле печать Сатаны. Затем, оказавшись на шабаше, надлежало совершить поклонение Сатане, как председателю собрания. Он сидел на троне, не переряженный и не переодетый, причем голова и ноги у него были козлиные (старинное предание о боге Пане). Кроме того, его украшал громадный хвост и крылья, как у летучей мыши. Впрочем, иногда он принимал и другой облик (ведь галлюцинации у всех колдуний не могли совпадать), и тогда он являлся в виде осла, большого кипариса, черного кота и т. д.

На шабаше все происходило наизнанку. Сатане отвечивали низкие поклоны, но только повернувшись к нему спиной, затем торжественно отрекались от Бога, Богородицы, Святых и посвящали себя Сатане. Привожу старинные гравюры XVI века, на которых изображены эти различные эпизоды. Но Сатана шел еще дальше — он крестил вновь обращенного, издеваясь над истинным таинством крещения, и принуждал каждого наступать на крест. Далее все колдуны, вооруженные факелами, образовывали круг и танцевали, повернувшись спиной друг к другу. Ровно в полночь все падали ниц перед своим повелителем. Это была минута наивысшего поклонения. После этого начиналось пиршество. Самая старая колдунья, царица шабаша, садилась рядом с Сатаной, и все собирались вокруг трапезы. Особенно много тут поедалось жаб, трупов, печенок и сердец детей, умерших некрещеными. После пира возобновлялись танцы, причем сам Сатана не прочь был принять в них участие или же исполнять роль оркестра.

Мария Девин, бедная девушка, сожженная в Валансьене, рассказывала, что она слышала, как Сатана однажды пел комическую песню. Танцы были в высшей степени циничны, и мне приходится всех любопытствующих отослать за сведениями о подробностях к оригинальным авторам, писавшим почти исключительно по-латыни.

В конце шабаша происходила *черная обедня*. Сатана, облаченный в черную ризу, восходил на алтарь и пародировал обедню, повернувшись спиной к Св. Дарохра-

нительнице. Это служило всеобщим посмешищем — в момент возношения Св. Даров он предлагал для поклонения свеклу или крупную красную морковь. После этого толпа вновь принималась плясать до появления зари и пения петухов, тогда все исчезало и присутствующие разлетались, как стая ночных птиц, спугнутых наступлением дня. На обратном пути колдунья выбрасывала свои мази и яды на жатву своих врагов. Если путь был очень дальний, то Сатана превращал колдунью в какое-нибудь заурядное домашнее животное, чтобы она могла таким образом возвратиться домой незамеченной.

Сообщенные мною факты могли показаться читателю странными и даже смешными — нельзя не изумляться тому, что человеческий ум мог дойти до подобных заблуждений, а эпидемическое и заразительное безумие — довести несчастных галлюцинантов до признания себя виновными в тех странных преступлениях, о которых я только что говорил. Но что могло показаться еще более странным, так это приемы, которые использовали суды по отношению к колдуньям. Я бы воздержался от этих подробностей, если бы они не содержали важных с медицинской точки зрения сведений.

Колдовство считалось исключительным преступлением, вот почему к нему не могли быть применены общие юридические следственные инструкции. Булла папы Иннокентия VIII запрещает обвиняемому иметь даже защитника. Иногда судилище, призванное рассмотреть процесс о колдовстве, состояло исключительно из светских лиц. Это часто практиковалось в Валансьене, где было сожжено множество колдуний.

В других случаях персонал суда был смешанным и состоял наполовину из духовных, наполовину из светских лиц, обыкновенно же там заседали только духовные лица. Как правило, на колдунью или женщину, обвиняемую в чародействе, поступал донос от ее близких. Они видели, как та бродила ночью, или зашла к соседке, у которой после

того внезапно умер ребенок, или заглянула в стойло, в котором вскоре заболела скотина, или же в тот день, когда ее видели стоящей возле лужи, выпал град. Кроме того, они слышали, как она билась дома — ее муж или дети сообщали о припадках, во время которых у нее изо рта шла пена и она извивалась, принимая необычайные положения. Ввиду доноса судьи рассматривали улики, которые были призваны убедить их в виновности лица, на которое он был направлен.

Первой уликой служило само имя заподозренной женщины, хотя, по-видимому, трудно поверить в то, чтобы имя обвиняемой могло свидетельствовать против нее. Особенно убедительной уликой, по сообщению судьи Дель-Рио, служили имена вроде Rayen (язычник), Sarrazin (сарацин), Bucher (костер), Verdelet (золотой подорожник) и пр.

Во-вторых, бледность, нечистоплотность, объяснявшаяся частыми превращениями в животных, пол (на одного колдуна приходилась тысяча ведьм), эксцентричная одежда — все это становилось весьма серьезными уликами против злосчастных обвиняемых. Суд отдавал приказ арестовать колдунью. Сбиры стерегли ее на углу улицы и набрасывались на жертву сзади, из опасения перед ее плевками и порошками, которые она могла на них бросить, после чего их ждала бы неминуемая гибель. После этого ее вели к судьям и втайне допрашивали.

Я позаимствую у человека, гордившегося тем, что он сжег на своем веку более тысячи ведьм, а именно у Богэ, сведения о судебной процедуре, применявшейся к этим несчастным. Извлекаю несколько статей:

«Не следует строго придерживаться обыкновенных юридических форм против колдуний, простого подозрения достаточно для оправдания ареста. Если обвиняемая опускает глаза или бормочет в сторону, то это — серьезная улика. Не следует разрешать обвиняемой посещение бани: епископ Трирский признает это грехом. Если обвиняемая не сознается, то надо посадить ее в тесную тюрьму. Ее разрешается

пытать даже в праздничный день. Если общественное мнение указывает на обвиняемую как на колдунью, то она — действительно колдунья. Сын может давать показания против отца. Преступник, подвергнувшийся наказанию, может быть свидетелем по делу о колдовстве. Малолетние тоже могут давать показания. Разногласие в показаниях не должно приниматься за доказательство невинности обвиняемого, если все свидетели объявляют его колдуном. Он приговаривается к костру, причем колдунов перед сожжением следует душить, а волков-оборотней — сжигать живьем. Приговор может быть справедлив, несмотря на отсутствие доказательств, если человек навлек на себя подозрение».

И я еще пропустил самые блестящие из этих статей!

Как правило, сначала колдунью допрашивали, стараясь доказать ее виновность. Иногда она сразу во всем сознавалась, что объясняется живостью ее галлюцинаций или страхом пытки, а впрочем, к чему могло привести отрицание вины ввиду юридических доводов, как, например, следующий? Я заимствую этот факт у Аксенфельда и привожу его дословно:

«Колдунья сознается в том, что вырыла недавно погребенного ребенка и съела его, — ее приговаривают к сожжению. Муж осужденной требует проверки факта. Могилу отрывают и находят труп ребенка в полной неприкосновенности. Но судья и не думает сдаваться перед очевидностью, а, опираясь на признание подсудимой, объявляет, что вырытый труп ребенка есть простая иллюзия, произведенная хитростью демона. Эта женщина была сожжена живьем».

По окончании допроса переходили к испытаниям. В некоторых странах, особенно в Германии, как сообщает Бейль, были распространены испытания водой (ордалии): заподозренную женщину бросали в воду, если она погру-

жалась в нее и тонула, то это свидетельствовало о ее невиновности; если же она всплывала, то, значит, была колдуньей — и ее сжигали. Как видите, выбор был неутешительный.

Во Франции главным образом прибегали к испытаниям при помощи стилета (небольшого кинжала). Судья, которому ассистировал врач, приказывал разоблачить обвиняемую и завязать ей глаза. Затем, при помощи острого стилета, ей прокалывали кожу во многих местах, пытаясь обнаружить «печать дьявола», т. е. нечувствительное место, которое можно прокалывать, не вызывая ни капли крови. Я сейчас докажу, что его должны были находить почти всегда. Как только такую точку находили, улика была налицо; затем судьи добивались еще признания подсудимой и выдачи ее соучастников и с этой целью прибегали к пытке. Я не имею никакого желания чрезмерно сгущать краски в изображении этих позорных фактов и если, тем не менее, сообщаю об них, то лишь с целью извлечь отсюда ряд аргументов, которые нам понадобятся впоследствии для чисто научных выводов.

Перечень приемов допроса я заимствую у Люиса, долго занимавшегося этой стороной дела, и вместе с тем привожу несколько гравюр, извлеченных мною из «Диалогов о колдовстве», напечатанных в 1659 году Абрамом Палингом.

Само собой разумеется, что пытки были разнообразны. В такого рода изобретательности католическое правосудие могло поспорить лишь с китайским. Самой обыкновенной пыткой в процессах ведьм была пытка «испанским сапогом». Ногу обвиняемой помещали между двумя пилами или досками, которые связывали веревками, а между ногами и досками вколачивали клинья. Сжатая нога в конце концов сплющивалась до такой степени, что из костей выступал мозг. Далее шла дыба. Обвиняемую привязывали руками к веревке, прикрепленной к потолку, и прицепляли к ее ногам тяжести. Ее оставляли в таком положении до тех пор, пока она не издавала мучительных воплей. Тогда судья приказывал ей сознаться, а в случае отказа ее подвергали жестокому сечению розгами, причем неволь-

ные подергивания, вызванные болью, только усиливали ее страдания. Если обвиняемая и после этого не сознавалась в своей вине, то ее подымали на гирях до потолка и с этой высоты вдруг сбрасывали вниз. Эта процедура повторялась до тех пор, пока пытаемая не сознавалась.

Если дыба не давала результата, то прибегали к «деревянной кобыле». Это было трехгранное бревно с острым верхним углом, на которое верхом сажали обвиняемую. При этом к ее ногам привязывали гири. Острый клин медленно, но верно входил в тело, и при каждом новом отказе сознаться палач прибавлял тяжесть. Мария Карлье, 13 лет, была подвергнута этой пытке в 1647 году. Пытка продолжалась несколько часов, и приходилось три раза прибавлять гири, чтобы заставить ее сознаться. Она была сожжена живьем. Вследствие ее молодости и чтобы не вызывать жалости в толпе, ее казнили на заре.

Кроме того, употреблялось еще одно средство — так называемый ошейник. Это было не что иное, как железное кольцо, утыканное изнутри гвоздями и прикрепленное к столбу. В него продевали голову обвиняемой, и в то время, как гвозди мало-помалу входили в тело несчастной, ноги ее поджаривались на сильном огне. Вследствие боли она совершала произвольные движения и таким образом как бы сама способствовала все большему и большему углублению гвоздей.

В недоумении спрашиваешь себя: каким образом такие ужасные муки не вызвали немедленного признания своей вины? Не следует, впрочем, упускать из виду, что это признание немедленно повлекло бы за собой смерть на костре, без всякого снисхождения. Кроме того, многие из этих несчастных во время пытки ничего не чувствовали, подобно нынешним колдуньям, о которых мы будем говорить далее: они были анестезированы. Иногда, вследствие страшных страданий, они даже впадали в экстаз. Их вдруг посещало видение любимого демона, и тогда они хвастались, что видят его. Он будто бы запрещал им говорить и ободрял их, обещая уничтожить все их страдания: это называлось *молчаливым очарованием*. Иногда кол-

дунья действовала без всяких колебаний — ее страдания были так велики, что она сразу же сознавалась и выдавала соучастников. Понятно, что она указывала на кого попало, утверждая, что он был с ней на шабаше. Все оговоренные лица немедленно арестовывались и предавались суду. Однажды одна обвиняемая под пыткой оговорила жену самого судьи, и та была немедленно арестована.

После пытки оглашали приговор над колдуньей. Наказания были различны. Нередко колдунью приговаривали к изгнанию — это бывало в тех случаях, когда доказательства окончательной вины отсутствовали. Иногда — к обезглавливанию, что случалось весьма редко. Встречаются примеры, когда колдуний бросали в чан с кипятком. Большею же частью их сжигали, предварительно удушив или же прямо живьем. В некоторых случаях колдунью жгли на медленном огне, чтобы продлить страдания и сделать их еще более мучительными. Несколько ведьм были приговорены к закапыванию живьем в землю. В Валансьене молодая девушка, 18 лет, была зарыта живой за колдовство. Крики несчастной были столь ужасны, что палачу сделалось дурно и он отказался продолжать «работу». Невозмутимый судья приказал ему закончить дело. Нередко колдунью везли на казнь, привязав ее под низ телеги и волоча по улицам ничком, при этом она постоянно ударялась о камни и покрывалась пылью и грязью.

Луиз обнаружил целый ряд счетов палачей, из которых видно, что в известных случаях им полагалась особая плата за каждую отдельную манипуляцию. Каждый счет непременно завершается требованием двух су за чистку белых перчаток.

Вот правдивая, непреувеличенная картина ужасов колдовства. Чтобы довести до конца свою задачу, я должен разобрать самые известные случаи и показать читателю, в какой степени эта ужасная язва была распространена в Европе триста лет тому назад. История знаменитых колдуний начинается с имени, которое, наверное, поразит всех, так как речь идет о гордости Франции. Жанна д'Арк была приговорена к сожжению французским духовным

судом по обвинению в том, что она призвала на помощь Сатану для уничтожения английской армии. Через пять лет после этой трагической смерти разнесся слух, что в местности Во объявилось много колдунов. Их специальностью было людоедство. Они набрасывались на новорожденных детей и пожирали их, и, как правило, начинали с собственных детей. Судья Болинген и инквизитор Эд отправили на тот свет громадное количество этих несчастных — наверно, более тысячи. Эти злосчастные безумцы были одержимы такими сильными галлюцинациями, что сами обвиняли себя в отравлении покойников, в том, что варили и съедали их. Молодой крестьянин донес на свою жену, на которой женился всего за несколько дней до этого, и с радостью ухватился за мысль, что она будет сожжена на одном костре вместе с ним. Судьи никогда не требовали доказательств и выносили приговор, основываясь только на признании подсудимого и не обращая внимания даже на то, имели ли они дело с помешанными или с психически здоровыми людьми.

Не прошло и 20 лет, как большая эпидемия охватила город Арра. Толпе женщин померещилось, что они присутствовали на шабаше. По вечерам с ними случались конвульсивные припадки, они впадали в какой-то экстаз и, просыпаясь, рассказывали самые невероятные вещи. В хрониках Монстреле упоминается о том, что многие из них были сожжены живьем, за исключением тех, кто сумел отделаться от судей презренным металлом.

Около 1500 года в Германии вдруг появилась масса колдунов. В 1484 году Иннокентий VIII издал буллу, в которой потребовал, чтобы с ними обращались с крайней строгостью. Тогда-то в Бурбии и сожгли живьем 41 женщину за то, что они будто бы ели детей, предварительно их сварив. При этом надо заметить, что в данной местности никто никогда не жаловался на исчезновение ребенка. Однако обвиняемые с гордостью объявили о своем преступлении, и этого оказалось вполне достаточно для суда. Другие 48 женщин были сожжены в Констанце за мнимое присутствие на шабаше. Одна из них похвасталась, что

может немедленно вызвать бурю одним магическим словом, и ее тотчас же казнили, так как суд испугался, что она успеет привести в исполнение свою угрозу. К тому же времени относится и вселение дьявола в монахинь Камбрейского монастыря. Они принялись сообща мяукать, лаять, бегать, лазить по деревьям и в корчах кататься по земле. Заклинание, посланное самим папой, не возымело никакого действия, так что больных судили и приговорили к смерти. В 1507 году произошла новая эпидемия, на этот раз в Каталонии. 30 женщин было сожжено живыми. Между 1504 и 1523 годами в Ломбардии начинается большая Комская эпидемия. Репрессивные меры против нее было поручено предпринять доминиканцам. Признаки этой болезни совпадают с теми, о которых я сообщил выше. Лечение было жестоким, так как доминиканцы сжигали более 1000 ведьм и колдунов в год.

В это время свирепствует демономания: 150 женщин высекали в Эстеле и сотню сожгли в Сарагосе. Монахини в Уверте, Бригитте и Кинторне издают вопли, прыгают и мяукают. В это же время беснуются воспитанницы амстердамского сиротского дома. Одного дольского мономана приговаривают к костру за то, что он ел живых детей.

В Савоие сжигают 80 ведьм, в Тулузе — 400 и почти столько же в Авиньоне. В 1580 году начинается большая эпидемия в Лотарингии, где судья Николай Реми приказывает сжечь более 900 ведьм и колдунов, тогда же Богэ сжигает 600 в Сен-Клоде, а де Ланкр — в стране басков. Здесь мы встречаем массу приговоренных к смерти детей, о которых Богэ говорит, что ввиду несовершеннолетия преступников их не следует сжигать живыми, а душить после того, как они почувствуют силу огня. Даже сами священники не избегают казней. Несчастный священник Гофриди начал заговариваться вследствие усиленного изучения колдовства и был сожжен живым вместе с молодой слепой девушкой. В Берри за один день сжигают 21 колдунью.

Следовательно, я не ошибся, утверждая, что колдовство было более пагубно для человечества, чем великие войны. Я уже все сказал о колдовстве в узком смысле, т. е.

о той его части, которая многими авторами называлась *активным демонизмом*, поэтому теперь перехожу к другой форме помешательства — бесноватости, или *пассивному демонизму*.

У злого духа, как я уже говорил, есть два приема: он или прельщает колдунью и увлекает жертву с ее согласия, или же вселяется в нее помимо ее воли, говорит ее устами и пользуется ею для достижения зла. Бесноватыми, таким образом, могут быть даже животные. Бес может вселяться также и в трупы, превращая их в бродящих мертвецов. Бесноватые встречались во все времена. На каждом шагу упоминаются они в Библии и Евангелиях. Особенно же бесноватость волновала умы в XVII веке. Это был недуг века, подобно тому, как колдовство было болезнью XVI в., а мания величия свойственна нашему столетию.

Первая большая эпидемия такого рода произошла в Мадридском монастыре. Почти всегда в монастырях — и главным образом в женских обителях — религиозные обряды и постоянное сосредоточение на чудесном влекли за собой различные нервные расстройства, составляющие в совокупности то, что называлось бесноватостью. Мадридская эпидемия началась в монастыре бенедиктинок, игуменьи которого, донне Терезе, тогда исполнилось всего 26 лет.

У одной монахини вдруг стали случаться странные конвульсии. У нее внезапно начинались судороги, мертвели и скрючивались руки, изо рта шла пена, все тело изгибалось в дугу напоподобие арки, опиравшейся на затылок и пятки. По ночам больная издавала страшные вопли, и под конец ею овладевал бессвязный бред. Несчастливая заявила, что в нее вселился демон Перегрино (обратите внимание на то, что в Испании и демон носит народное имя), который не дает ей покоя. Вскоре демоны овладели всеми монахинями, за исключением пяти женщин, причем сама донна Тереза тоже стала жертвой этого недуга. Тогда в обители начались неопишуемые сцены: монахини по

ночам выли, мяукали и лаяли, заявляя, что они одержимы одним из друзей Перегрино. Монастырский духовник, Франсуа Гарсиа, прибег к заклинанию бесноватых, но неуспешно, после чего это дело перешло в руки инквизиции, которая распорядилась изолировать монахинь. С этой целью они были сосланы в различные монастыри. Гарсиа, проявивший в этом деле известное благоразумие, редко встречаемое в людях его класса, был осужден за то, что будто бы вступил в сношения с демонами, прежде чем напасть на них.

Новость о бесноватости бенедиктинок наделала много шума, но ее известность ничтожна по сравнению с эпидемией Луденских урсулинок, беснования которых относятся к 1631 году. Я воспользуюсь историей этой знаменитой одержимости, чтобы познакомить читателя с описанием недуга во всех подробностях. В то время в Лудене жил 40-летний священник по имени Урбан Грандье, отличавшийся большим умом, приятной наружностью и хорошими манерами. Он возбуждал много толков, может быть, даже слишком много. Грандье пользовался большим успехом как светский человек и как проповедник и тем вызвал яростную вражду своих собратьев.

Вследствие анонимных доносов он был приговорен за нарушение церковной дисциплины к сидению на хлебе и воде каждую пятницу, но этот приговор был признан недействительным и отменен архиепископом Бордо. Вполне понятно, что Урбан Грандье возгордился после этой победы и вернулся в Луден, окруженный ореолом мученика. Вскоре после этого кардинал Ришелье прислал советника Лобардемона с поручением срыть укрепления, окружавшие Луден. Эта мера вызвала недовольство. Грандье присоединился к оппозиции и, может быть, даже написал знаменитый анонимный памфлет, направленный против великого кардинала. Таким смелым поступком он вооружил против себя и правительство. Его гибель была предрешена, и случай осуществить ее представился самым неожиданным образом.

В Лудене существовала община урсудинок, посвятившая себя делу образования. Она состояла из дочерей знатных лиц. Здесь мы встречаем мадам де Бельсьель, де Сазильи, родственницу кардинала, мадам де Барбье, де Сурди и т. п. Среди них была только одна монахиня из буржуазии — сестра Серафима Арте. Приором монастыря был аббат Муссо, который, впрочем, скоро умер. Спустя непродолжительное время после кончины однажды ночью он явился госпоже де Бельсьель в виде мертвеца и приблизился к ее постели. Своими криками она разбудила всю обитель. Но после этого привидение стало возвращаться каждую ночь. Монахиня рассказала о своем несчастии товаркам. Результат получился обратный: вместо одной привидение стало посещать всех монахинь, в дортуаре то и дело раздавались крики ужаса и монахини пускались в бегство. Слово «одержимость» было пущено в ход и принято всеми: монах Миньон в сопровождении двух товарищей явился в обитель для изгнания злого духа. Игуменья, мадам де Бельсьель, объявила, что она одержима Астаротом, и как только начались заклинания, стала издавать вопли и биться в конвульсиях. Находясь в бреду, она говорила, что ее околдовал священник Грандье, преподнося ей розы. Грандье не был монастырским духовником, но в женской обители, как и везде, было много разговоров об этом священнике. Им восторгались, несмотря на то, что он слыл человеком довольно легкомысленного поведения. Кроме того, игуменья утверждала, что Грандье являлся в обитель каждую ночь в течение последних четырех месяцев и что он входил и уходил, проникая сквозь стены.

С другими одержимыми, между прочим и с мадам де Сазильи, ежедневно случались конвульсии, особенно во время заклинаний. Одни из них ложились на живот и перегибали голову так, что она соединялась с пятками, другие катались по земле, в то время как за ними гнались священники со Св. Дарами в руках, изо рта у них высывался язык, черный и распухший. Когда вместе с судорогами у них начинались галлюцинации, то одержимые видели

смущавшего их демона: у мадам де Бельсьель их было 7; у мадам де Сазильи — 8; особенно же часто встречались Асмодей, Астарот, Левиафан, Исаакарум, Уриэль, Бегемот, Дагон, Магон и т. п. В монастырях злой дух носит названия, присвоенные ему в богословских сочинениях. В некоторых случаях монахини впадали в каталептическое состояние, в других — они переходили в сомнамбулизм и бредили в состоянии полного автоматизма. Они всегда чувствовали в себе присутствие злого духа и, катаясь по земле, произнося бессвязные речи, проклиная Бога, кощунствуя и совершая возмутительные вещи, утверждали, что исполняют его волю.

Привожу описание из книги отца Иосифа, одного из заклинателей, наиболее способствовавших развитию истерического бешенства у этих несчастных:

«Однажды начальница пригласила Отца отслужить молебен св. Иосифу и просить его защиты от демонов на время говений. Заклинатель немедленно выразил свое согласие, не сомневаясь в успешности чрезвычайного молитвословия, и обещал заказать мессы с той же целью в других церквях. Вследствие этого демоны пришли в такое бешенство, что в день Поклонения Волхвов стали терзать игуменью. Лицо ее посинело, а глаза уставились в изображение лика Богородицы <...>

Час был уже поздний, но отец Сюрен решился прибегнуть к усиленным заклинаниям, чтобы заставить демона пасть в страхе перед Тем, Кому поклонялись волхвы... С этой целью он ввел одержимую в часовню, где она произнесла массу богохульств, пытаясь ударить присутствующих и во что бы то ни стало оскорбить самого отца, которому наконец удалось тихо подвести ее к алтарю. Затем он приказал привязать одержимую к скамье и после нескольких воззваний повелел демону Исаакаруму пасть ниц и поклониться младенцу Иисусу. Демон отказался исполнить это требование, изрыгая страшные проклятия. Тогда

заклинатель пропел *Magnificat*, и во время пения слов *Gloria Patri* и т. д. эта нечестивая монахиня, сердце которой действительно было переполнено злым духом, воскликнула: «Да будет проклят Бог Отец, Сын, Святой Дух, Св. Мария и все Небесное царство!» Демон еще усугубил свои богохульства, направленные против Св. Девы во время пения *Ave, maris stella*, причем сказал, что не боится ни Бога, ни Св. Девы, и похвалялся, что его не удастся изгнать из тела, в которое он вселился... Его спросили, зачем он вызывает на борьбу Всемогущего Бога. «Я делаю это от бешенства, — ответил он, — и с этих пор с товарищами не буду заниматься ничем другим». Тогда он возобновил свои богохульства в усиленной форме. Отец Сюрен вновь приказал Исаакаруму поклониться Иисусу и воздать должное как Св. Младенцу, так и Пресвятой Деве за богохульные речи, произнесенные против них... Исаакарум не покорился. Последовавшее вслед за этим пение „*Gloria*“ послужило ему только поводом к новым проклятиям на Св. Деву. Были еще предприняты новые попытки, чтобы заставить демона Бегемота покаяться и принести повинную Иисусу, а Исаакарума — повиниться перед Божьей Матерью. Во время них у игуменьи появились столь сильные конвульсии, что пришлось отвязать ее от скамьи. Присутствующие ожидали, что демон покорится, но Исаакарум, повергая ее на землю, воскликнул: „Да будет проклята Мария и плод, который она носила!“ Заклинатель требовал, чтобы он немедленно покаяться перед Богородицей в своих богохульствах, извиваясь по земле, как змей, и облизывая пол часовни в трех местах. Но он все отказывался, пока не возобновили пения гимнов. Тогда демон стал извиваться, ползать и крутиться. Он приблизился (т. е. довел тело госпожи де Бельсьель) к самому выходу из часовни и здесь, высунув громадный черный язык, принялся лизать каменный пол с отвратительными ужимками, воем и ужасными конвульсиями. Он повторил то же самое у алтаря, после чего выпрямился и, остава-

ясь все еще на коленях, гордо посматривал, как бы показывая, что не хочет сойти с места, но заклинатель, держа в руках Св. Дары, приказал ему отвечать. Тогда выражение лица его исказилось и стало ужасным, голова откинулась назад, и послышался сильный голос, произнесший как бы из глубины груди: „Царица неба и земли, прости!“»

В 1635 году во Франции велось много разговоров о луденских одержимых. Брат короля, Гастон Орлеанский, специально приезжал в Луден, чтобы посмотреть на них. Заклинатели, отцы Сюрен, Транкиль и Лактанций, предоставили ему случай наблюдать конвульсии. В этот же день случилось любопытное явление: с отцом Сюреном, в то самое время, когда он отчитывал демона, случился припадок одержимости — он лишился сознания и покатился по полу... Впоследствии Сюрен объявил, что демон Исаака-рум проник в его тело. Перед герцогом госпожа де Бельсьель принимала самые невозможные позы. Сестра Агнесса была одержима Асмодеем и Бегемотом, с ней тоже случились припадки в присутствии герцога Орлеанского. Она отказалась приложиться к Св. Дароносице и извивалась с такой силой, что ее тело превратилось в настоящее кольцо, при этом она произносила ужасные богохульства. В мадам де Сазильи вселился демон Савудон. Он заставил ее бегать вокруг церкви и высовывать большой черный язык, твердый, как пергамент. Во время этих безумств луденские урсулинки не забывали обвинять Грандье и уверяли, что они околдованы им, что он заключал договоры с дьяволом, среди которых один заключен на Орлеанском шабаше и был написан на коже детей, умерших без крещения. Архиепископ Бордо приказал оставить в покое Грандье и приступить к лечению монахинь. Но это не входило в планы Лобардемона, который поехал в Париж и вернулся оттуда с полномочием начать следствие против чародея Грандье и постановить над ним окончательный приговор без права апелляции для осужденного ни в парламент, ни на имя короля. Таким образом, Лобардемон осущест-

вил свою месть, и Грандье пришлось дорого поплатиться за недавний памфлет. Он немедленно был брошен в тюрьму, несмотря на его протесты и на мольбы его престарелой матери. Факт его виновности был тотчас же установлен. Затем последовал целый ряд отчитываний, направленных как против монахинь, так и против него самого. В одном из этих достопамятных заседаний было получено письмо дьявола, и по сей день хранящееся в Национальной Парижской библиотеке. Я привожу его фотографическое изображение. В нем Асмодей обещает от себя и от имени своих товарищей, Грезилля и Амана, особенно мучить мадам де Бельсьель.

Однажды, после целых месяцев бесплодных заклинаний, Грандье попросил разрешения лично изгнать демонов. Ему дают на это разрешение, и вот в церкви Св. Креста устраивается большое торжественное собрание, на которое, после молитвословий, приводят одержимых. При виде Грандье, произносившего заклинания, ими овладевает бешенство, они издают рев, подсакивают и извиваются по полу. Никогда еще не приходилось видеть подобных безобразий. Затем приносят договоры, заключенные Грандье с дьяволом, и сжигают их на костре. Беснующиеся вновь вырываются, окружают бедного священника, царапают и бьют его с такой яростью, что присутствующие вынуждены поспешно увести его в тюрьму. По прошествии нескольких дней суд собрался снова и объявил Грандье виновным в чародействе. Священник был приговорен к публичному покаянию в рубашке, с непокрытой головой и с веревкой на шее, а затем ему предстояло аутодафе. В приговоре еще значилось, что предварительно его подвергнут пытке.

Прежде всего следовало искать на нем «печать дьявола», т. е. нечувствительное место, о котором было уже сказано выше. Лобардемон не мог отыскать ни одного врача, который бы добровольно согласился пытать Грандье. Ему пришлось для этой цели арестовать одного из них при помощи стражи. Тем не менее на теле несчастного священника не удалось найти клейма. Лобардемон приказал то-

гда врачу вырвать у него ногти с пальцев рук и ног, чтобы увидеть, не скрывается ли под ними знаменитая «печать». Врач отказался исполнить это требование и в слезах стал умолять Грандье простить ему то, что он до сих пор был принужден с ним делать. Тогда истерзанного страдальца повели в комнату пыток, где суд заседал в полном составе. После отчитываний орудий пытки монахами приступили к пытке «испанским сапогом»: при первом же ударе молота что-то страшно хрустнуло, то переломились ноги бедного священника. Несчастный испустил такой крик, что палач отступил назад. Но монах Лактанций накинулся на того со словами: «Вгоняй же клинья, когда тебе приказывают, вгоняй сильнее!» Придя в сознание, Грандье объявил, что невиновен в чародействе. Когда же палач, со слезами на глазах, показал ему те четыре деревянных клина, которые ему предстоит всадить в него, то Грандье ответил: «Друг мой, всаживай их хоть целую охапку». Тогда отец Транкиль заметил палачу, что он недостаточно искусен в своем ремесле, и показал ему, какие приемы следует использовать, чтобы усилить боль жертвы. Вслед за этим в тело Грандье было вогнано один за другим восемь клиньев. Весь запас орудий палача вышел, и он пошел за другими. Лобардемон приказал ему всадить еще два клина, но вследствие волнения палачу это никак не удавалось. Тогда глазам окружающих представилось ужасное зрелище: капуцины Лактанций и Транкиль, приподняв свои рясы и вооружившись молотами, принялись собственноручно вколачивать клинья в свою жертву. У Лобардемона, вероятно, проснулась совесть, и он велел прекратить пытку. Ноги несчастного священника были раздроблены и висели в виде сплюсненной бесформенной массы с выходившими отовсюду осколками костей. Пытка продолжалась три четверти часа. Грандье положили на солому в ожидании казни. В 4 часа его повезли на телеге среди несметной толпы народа к церкви Св. Петра и, наконец, к костру, вокруг которого была сооружена эстрада, занятая самыми элегантными дамами города. Палач поднял его на руках с телеги и посадил на костер. Здесь ему в пятый раз зачи-

тали приговор. Лобардемон пообещал Грандье, что он будет задушен до сожжения, но монахи, проведав об этом, во время пути наделали узлов на веревке. Они оттолкнули палача, накинулись на Грандье и стали наносить ему сильные удары распятием. Ввиду того, что толпа начала волноваться, а приговоренный все еще не раскаялся в своем мнимом преступлении, монах Лактанций схватил факел и сам зажег солому на костре. Палач бросился, чтобы задушить Грандье, но так как веревка была в узлах, то ему это не удалось.

Этот факт дошел до нас в передаче священника Измаила Буильо, который сообщил о нем с негодованием. В течение нескольких минут пламя охватило рубашку Грандье, и можно было видеть, как он корчился на костре. В этот самый момент над мучеником закружилась стая голубей и затем улетела на небеса.

Смерть бедного священника вовсе не усмирила бесноватых. Урсулилки продолжали вести себя по-прежнему, так что пришлось их изолировать. После того в городе Лудене демоны стали преследовать молодых девушек. Назывались эти демоны: Уголь Нечисти, Адский Лев, Ферон и Малон. Эпидемия распространилась даже на окрестности. Почти все девушки в Шиноне были поражены страшным недугом и при этом обвиняли в чародействе двух священников. К счастью, коадьютор епископа Пуатье повел дело благоразумно и разделил бесноватых. Но еще примечательнее тот факт, что в это время переполнился одержимыми Миньон, искони считавшийся страной пап. Луденская эпидемия заразила умы и охватила собой большое пространство. Тем сильнее она должна была действовать на всех действующих лиц этой драмы. Не прошло и года со смерти Грандье, как отцы Лактанций, Транкиль и Сюрен совершенно лишись рассудка и вообразили, что в них вселился дьявол. Та же участь постигла врача, принимавшего участие в пытке, и офицера, руководившего казнью. Они умерли, всеми презираемые, корчась в ужасных судорогах и дойдя до скотоподобного состояния.

Страшная луденская трагедия еще не изгладилась из памяти современников, только выяснилась истина относительно мученичества несчастного Грандье, когда разнесся слух, что демоны овладели обителю Св. Елизаветы в Лувье. Здесь также усердие духовника послужило если не причиной, то, по крайней мере, отправной точкой для распространения не духа. Но какая разница между Грандье и приходским священником Пикаром из Лувье! Если первый был любезным, веселым и блестящим светским человеком, то второй — мрачным аскетом с бледным испитым лицом. Он носил длинную и неряшливую бороду, ходил с опущенными глазами, одевался небрежно, говорил медленно и тихо. Во время продолжительных церковных служб Пикар останавливался, словно очарованный и погруженный в экстаз.

Монахинями Лувье овладело желание сравниться в набожности со своим духовным пастырем, и они стали поститься по неделям, проводили в молитвах целые ночи, бичевали себя и катались полунагие по снегу.

В конце 1642 года священник Пикар внезапно скончался. Монахини, уже и без того близкие к помешательству, тогда окончательно помутились. Их духовный отец начал являться им по ночам, они видели его бродящим в виде привидения, а с ними самими случались конвульсивные припадки, совершенно аналогичные с припадками луденских монахинь. У несчастных появилось страшное отвращение ко всему, что до тех пор наполняло их жизнь и вызывало любовь. Вид Св. Даров усиливал их бешенство, они доходили даже до того, что плевали на них. Затем монахини катались по церковному полу и, издавая при этом страшный рев, подпрыгивали как будто на пружинах.

Современный богослов Лабретон, которому случилось увидеть монахинь Лувье, дает нам следующее описание их беснований:

«Эти 15 девушек обнаруживают во время причастия странное от вращения к Св. Дарам, строят им гримасы, показывают язык, плюют на них и богохульст-

вуют с видом самого ужасного нечестия. Они кощунствуют и отрекаются от Бога более 100 раз в день с поразительной смелостью и бесстыдством. По несколько раз в день ими овладевают сильные припадки бешенства и злобы, во время которых они называют себя демонами, никого не оскорбляя при этом и не делая вреда священникам, когда те во время самых сильных приступов кладут им в рот палец. Во время припадков они описывают своим телом разные конвульсивные движения и перегибаются назад в виде дуги, без помощи рук, так что их тело покоится более на темени, чем на ногах, а вся остальная часть находится на воздухе, они долго остаются в таком положении и час то вновь принимают его. После подобных усиленных кривляний, продолжавшихся непрерывно иногда в течение четырех часов, монахини чувствовали себя вполне хорошо даже во время самых жарких летних дней. Несмотря на припадки, они были здоровы, свежи, и пульс их бился так же нормально, как если бы с ними ничего не происходило. Между ними есть и такие, которые падают в обморок во время заклинаний как будто произвольно; обморок начинается с ними в то время, когда их лицо наиболее взволнованно, а пульс значительно повышается. Во время обморока, продолжающегося полчаса и больше, у них не заметно ни малейшего признака дыхания. Затем они чудесным образом возвращаются к жизни, причем у них сначала приходят в движение большие пальцы ног, потом ступни и сами ноги, а за ними — живот, грудь и шея, все это время лицо бесноватых остается совершенно неподвижным, наконец, оно начинает искажаться, и вновь появляются странные корчи и конвульсии».

Запомните это описание. Нельзя нарисовать лучшей картины истерики, которая в настоящее время наблюдается у истеричных женщин в Сальпетриере.

В XVII в. конвульсии приписывали вмешательству демонов, и вот как доказывал их присутствие заклинатель Бороже, капуцинский монах из Руана, которому была поручена борьба против беснования в Лувье:

«Первое доказательство» заключается в непрерывных, страшных и несправедливых богохульствах, изрекаемых против воли ежечасно и ежеминутно этими несчастными девушками. Они вызывают слезы жалости у лиц благочестивых и заставляют думать, что подобные ужасы следует непременно приписать постороннему влиянию. Безошибочно можно сказать, что это — дело рук дьявола, так как нельзя допустить, чтобы такое большое число благочестивых монахинь (18) могло осквернить свои уста столькими богохульствами. Глубоко ошибаются те, кто утверждает, что они делают это в припадках сумасшествия, так как беснующиеся обо всем рассуждают совершенно здраво».

«Вторым доказательством» служат циничные речи, нередко произносимые ими и понятные только в устах развратных и погибших женщин; во всех других случаях они богохульствуют, как уже было сказано выше: ни один благоразумный человек не может допустить и мысли о том, чтобы столь благовоспитанные и набожные девушки могли сами произносить эти речи, их следует приписать действию чар и демонов, преследующих бедных монахинь. Во всем этом ясно выражаются козни дьявола».

«Третье доказательство». Какой вывод может сделать благомыслящий человек из их странных и обстоятельных описаний шабаша, козла и совершающихся там ужасов, как не тот, что демоны, вселившиеся в них, председательствовали на этих сборищах и сообщили им эти страшные сведения».

«Четвертое доказательство». Откуда появляется странное отвращение к Таинствам Исповеди и Причастия, вызывающих в монахинях бешенство, противодействие, судороги и богохульства? Чему следу-

ет приписать все эти бесчинства? Ведь не девушкам же, которые по прошествии нескольких минут после припадка молятся Богу, а, разумеется, — демону, врагу Св. Таинств».

«Пятое доказательство. В монахинях проявляются почти одновременно крайне противоречивые действия: то они восхваляют Бога, а через минуту богохульствуют, то говорят о священных предметах и затем тотчас же переходят к циничным и наглым речам. Часто, при прощании, эти девушки высказывали нам свое сожаление и сокрушение и при этом даже проливали слезы, но уже спустя минуту их уста изрекали проклятия и брань вроде следующих: „Чтоб дьявол свернул тебе шею, унес тебя в ад крошечный, погрузил во внутренности Вельзевула!“ Чем объяснить столь противоречивые действия? — хорошими свойствами девушки и участием демона, так как невозможно допустить в нравственном отношении, чтобы один и тот же ум мог делать подобные скачки и переходить так быстро от одной крайности в другую. Лица, внимательно наблюдавшие эти переходы, без труда нашли, что одержимые монахини являются седалищем двух взаимно враждебных духов — человеческого и демонического, воплощавшихся в двух различных и даже противоположных родах действий».

«Шестое доказательство извлекается нами из ужасных внутренних действий демонов, невыносимых соблазнов всякого рода, безмерных душевных страданий, превосходящих пределы человеческого терпения, из непостижимых ухищрений, хитрых ловушек, сокрытия истины и навязывания бедным девушкам собственной злобы, из стараний уверить их всеми способами, что они сами совершали все те ужасы, которые демоны производили столь тонко и дьявольски ловко, и, наконец, из крайней агонии, которая охватывала их ум. Одним словом, на участие демонов указывает то страшное состояние, в которое они повергают монахинь своими обольщениями».

«Седьмое доказательство. Трудно допустить, чтобы такое большое число девушек, столь различных комплекций и вообще здоровых, могло бы подвергнуться одному и тому же недугу, общим признаком которого являлись бы богохульства и циничные речи, или же чтобы они страдали одной формой помешательства, здраво рассуждая обо всем остальном».

Из приведенного выше ясно видно, что мысль о сумасшествии все-таки появлялась у современников одержимости, но была отвергнута ими, поскольку предположение о вмешательстве злого духа казалось им более правдоподобным. Этому кажущемуся правдоподобию много способствовали также и те ужасные галлюцинации, которые постоянно тревожили одержимых. Так, одна из них видела всклокоченную черную голову без туловища, которая всю ночь не сводила с нее глаз; другую непрерывно преследовал демон, обольщавший ее и громко смеявшийся над всем, что она говорила или делала. Третья видела рядом с собой демона Бельфегора, а около него распятого Христа, который следовал за ней повсюду и спускался с креста, чтобы поцеловать ее всякий раз, как ей удавалось устоять против искушений дьявола.

Одна из этих несчастных галлюцинанток, сестра Мария, написала целую книгу о страданиях, которые ей пришлось вынести. Бороже сохранил нам ее в полной неприкосновенности. Привожу из нее несколько мест, которые очень важны для защиты моего положения.

«Священник Матюрэн Пикар, проходя однажды мимо меня, коснулся моей груди. После этого меня стали мучить тревожные мысли. В 9 часов вечера я легла спать и увидела, что на мое одеяло летели с пола крупные искры... Я очень испугалась... В другой раз у меня кто-то вырвал из рук лестовку (плеть), бросил мне ее в лицо и сильно толкнул. Однажды в лазарете меня три раза дернули за рукав, затушили мою свечу на чердаке и сбросили меня с самого верху. Пом-

ню также, что на мои плечи опустилась тяжеловесная масса, которая стала меня душить: я еле дотащилась до кельи настоятельницы, но здесь эта тяжесть с шумом свалилась, при этом, однако, я почувствовала такой удар, что у меня пошла кровь носом и горлом. Однажды ночью, около 10 часов, кто-то слегка постучался в дверь моей кельи — я произнесла Ave Maria, как подобает инокине, и увидела перед собой монахиню. Она довольно печальным голосом стала говорить мне: „Сестра, прошу вас не бояться меня, я — сестра Страстей Иисуса (Passion) и обречена оставаться в чистилище до тех пор, пока не удовлетворю Божественное Правосудие“... 27 и 28 февраля 1642 года, измученная всеми этими огорчениями, я стала засыпать около половины десятого. Когда прозвонили к заутрени, я еще спала, но вскоре проснулась. Смотрю — в мою келью входит священник в халате. Я пугаюсь и громко молю Бога о помощи, после чего призрак переменяет свой облик и раскрывает глубокую пасть, чтобы пожрать меня: „Ты принадлежишь мне, — закричал он, — посмотрим, кто окажется сильнее из нас двоих“. Я трижды произнесла: „О, Господи! Сжался надо мной! Помоги мне!“ Призрак немедленно стал изрыгать пламя и страшно проревел: „Делай что хочешь, ты все-таки не уйдешь от меня, или же я перестану быть тем, что я есть“. Под конец я так сильно была избита, что не могла найти себе места. В конце мая, войдя в свою келью, я заметила на постели маленькую записку на латинском языке, которую тогда не могла разобрать. Дьявол, приняв облик Матери Успения Св. Богородицы, попросил дать ему эту записку для прочтения, что я и исполнила. После продолжительной беседы он вышел через окошко, бывшее в келье, но когда возвратился после того, то стал безжалостно меня терзать — щипал, колол, кусал...

Одна из наших сестер принесла бельё в мою келью и тем избавила меня от этих жестоких мучений. Господин д'Эвре приехал на другой день и обошел всю

обитель. В то время, когда он проходил мимо моей кельи, дьявол, приняв облик нашего духовника, подошел ко мне, держа в руках бумажку. „Дочь моя, — сказал он, — вот записка, составленная мною для господина д'Эвре, — вам необходимо подписаться под ней“. Я зашла для этого в соседнюю келью, так как в моей не было чернил, а он остановился у двери, как бы в ожидании моей подписи. „Мне надо уйти, — сказал дьявол, — так как если нас увидят одних, то пойдут толки. Я вам прочту ее в другой раз, а пока храните ее“. Он тотчас же скрылся, а я, сложив бумажку, положила ее себе на грудь и пошла в соседний дортуар, где ее тот час же у меня забрали. Я очень из-за этого огорчилась и немедленно послала за нашим духовником, велела ему передать, что вызываю его по спешному делу в общую гостиную. Он стоял у решетки с епископом и отцом Бенуа. Я сказала духовнику, что у меня отняли бумажку и что я не знаю, кто ее взял. Епископ спросил Бенуа — в чем дело, но он ответил, что не знает. Тогда я рассказала, как все происходило. Епископ написал протест против всего, что дьявол мог обманчивым образом заставить меня сделать, потом он велел мне осеять себя крестным знаменем. Это, однако, несколько не помогало делу. Дьявол являлся ко мне ежедневно в страшном облике и показывал отнятую бумажку. Дважды он брал меня за руки и пояснял, что было в ней написано. То были ужасные богохульства против Бога, Иисуса Христа, Богородицы и Ангелов.

В другой раз дьявол прикинулся монахиней, выразившей мне большое сочувствие, так как мы будто бы находились с ней в дружественных отношениях еще до пострижения. Он пришел ко мне во время молитвы и стал уверять, будто сочувствует моим страданиям и сожалеет, что я морю себя голодом. При этом он прибавил, что кто-то имеет желание довести меня до смерти или, по крайней мере, до сумасшествия. Дьявол несколько раз прикидывался сердобольной монахиней, чтобы обмануть меня, и приносил мне розы и

гвоздику. Иногда эта монахиня показывала мне цветы ради развлечения, затем уводила в уединенное место и там подвергала разным истязаниям, била изо всех сил и кусала, как собака. В другой раз, когда я обдумывала ужасное состояние, в котором очутилась вследствие таких частых обманов и мистификаций, дьявол, узнав, что духовник поручил матери-викарии иногда навещать меня в келье, воспользовался этим случаем, чтобы принять облик матери-викарии, и стал излагать передо мной лживое и еретическое учение.

Подложная мать-викария говорила так убедительно, что я почувствовала к ней искреннюю симпатию и, надеясь при ее помощи найти верный путь к Богу, решила доверить ей свои дурные мысли. Около недели провела я с ней в этих беседах, наполненных богохульствами и заблуждениями.

Однажды ночью, когда все спали, в моей келье появился молодой человек. Осеняя себя крестным знаменем, я твердила: „*Verbum caro factum est*“ — и sprыскивала келью святой водой. Но этот наглец насмеялся надо мной — он хотел помучить меня, тогда я прибегла к заступничеству Божьему и громко сказала: „Господи, я изнемогаю, дай мне сил“.

Мать Успения Св. Богородицы спросила меня, что это значит. Я ей ничего не ответила и только кричала. Молодой человек приотворил мою дверь и направился к печной трубе. Он тащил меня за собой, так как я хотела его задержать, и приподнял меня по крайней мере на два фута. Тогда я выпустила его и упала в свою комнату, где меня нашли с рукой, замаранной жиром, которым этот чародей был вымазан. Рука была вонючая и черная с красным оттенком. Мне вытерли руку белым полотенцем, которое потом бросили в огонь. Светозарный ангел, к которому я часто еще буду возвращаться, клялся мне, что монастырский духовник — настоящий чародей, что он влюблен в меня и скоро должен открыть мне свою страсть. После обедни я пошла в исповедальню и передала духовнику

все, что говорил мне ангел. Он очень изумился и не знал, что отвечать, а только произнес: „Дочь моя, вам известно, кто я и кто мои родители, предоставляю вам рассудить, мог ли бы я вести себя столь недостойным образом. Вы знаете мою жизнь: были ли когда-нибудь на меня жалобы?“»

Предполагаю, что чтение этого длинного показания уничтожит все сомнения, которые могли возникнуть в уме читателя. Какой странный ряд галлюцинаций! И то же самое происходит со всеми другими монахинями. Одной из них Дагон сообщает такую силу, что она разрывает, как соломинку, веревку, опоясывавшую ее стан. Другая, одержимая тем же демоном, тщетно пытается завладеть причастной облаткой во время возношения Св. Даров священником, но ей удается только ухватить зубами дискос и убежать с ним.

Дагон, Аккарон и Орфаксат приподнимают с земли 18 несчастных женщин, катают их по земле, заставляют бегать по крышам или по отвесным стенам, держат в дугообразном положении в течение нескольких часов — иногда над землей, а иногда и на верхних закраинах колодца. Все это происходит во время заклинаний, только усиливающих зло, до тех пор, пока одно знаменательное событие внезапно не меняет ход всего дела.

Во время одной церковной церемонии, в феврале 1643 года, когда заклинатель произносил проповедь, в которой восхвалял неизмеримое превосходство Божье над демоном, одна из монахинь, Мадлена Бавен, воскликнула: «Увидим еще, не удастся ли Сатане одолеть Его».

Епископ д'Эвре уже давно искал повод, чтобы начать следствие по делу о колдовстве. Он воспользовался этим случаем и велел допросить сестру Бавен, показавшую, что она отдалась дьяволу по предложению священника Пикара, на настояния которого она уже давно согласилась. Бавен была уличена в подписании договора с дьяволом собственной кровью, в краже причастной облатки, в принесянии ее на шабаш, в приготовлении из нее злых чар и в

убиении младенцев для приготовления снадобий из их трупов. Она была приговорена к пожизненному заключению в глубоком подземелье и к пище, состоящей исключительно из хлеба и воды.

Спустя несколько дней несчастная, которую разьедал рак на груди, проявила поразительное мужество. Разбив стакан на мелкие куски, она проглотила их. В то же время она вонзила себе в живот нож, вскрыла вены и перерезала горло. Кровь пошла из него ручьями, она заболела воспалением брюшины и тем не менее... выздоровела.

Но она донесла на Пикара. Несчастливого священника вырыли из могилы и мертвого судили одновременно с его преемником Булье, на которого та же монахиня указала как на его сообщника. Мертвец и живой человек одновременно предстали перед Нормандским парламентом и были приговорены к сожжению за служение черной мессы на шабаше и за приготовление талисманов из причастных облаток. Приговор был приведен в исполнение следующим образом: Булье, прикованного к разложившемуся трупу Пикара, поволокли за ноги по улицам Руана и сожгли на той же площади, где погибла Жанна д'Арк. И это произошло не во времена средневекового мрака, а в такую эпоху, когда другой уроженец Нормандии, Корнель, в первый раз поставил на сцене своего «Сида».

Таким образом, последний колдун погиб на том же месте, где некогда была сожжена первая чародейка.

Прекращением процессов по колдовству Франция обязана Людовику XIV. В знаменитом указе от 1662 года, отредактированном Кольбером, он практически отвергает существование колдунов и поручает рассмотрение дел этого рода общим судам. Вот почему в XVIII в. все дела о колдовстве или чудесах ведет полиция. Она же приводит в исполнение и королевский приказ о закрытии Сен-Медарского кладбища и запрете совершать там чудеса.

Позднее великая революция (законом от 22 июля 1791 года) причислила одержимых к категории шарлатанов или больных и направляла их, в зависимости от слу-

чая, либо в лечебницы для душевнобольных, либо в суды исправительной полиции.

Итак, мы уже убедились, что колдуны в действительности были галлюцинатами и мономанами, подобно тем, что содержатся в современных психиатрических больницах. Но что в таком случае представляют собой одержимые? Исчезла ли одержимость и этот странный недуг с тех пор, как благоразумные люди перестали говорить о дьяволе?

Известно, что этого не произошло. Одержимость свирепствует и в наши дни, но мы называем ее по-другому, а именно: *истеротилепейя*. Позволю себе в нескольких словах набросать для читателя образ современной одержимой, т. е. *истеричной*.

Цель моего очерка истории колдовства — прийти к этому выводу.

Внешне несчастную истеричную ничто не отличает от других, разве что некоторая вычурность в одежде. Истеричная питает пристрастие к ярким цветам, она покрывает себя мишурными украшениями, и, так как нарушение органа зрения позволяет ей видеть только наименее преломляемые цвета, она нередко выбирает одежду красных и кричащих расцветок. К старости она становится довольно нечистоплотной и неряшливой. Частые припадки, которые случаются с истеричной, не позволяют ей заботиться о физической стороне своей личности. Она живо напоминает собою образ, который демонологи обыкновенно приписывают ведьмам.

У подавляющего большинства истеричных одна сторона тела лишена чувствительности — и левая чаще, чем правая. Их можно резать, колоть, жечь — они ничего не чувствуют.

Мало того, в этих совершенно нечувствительных точках их тела такое плохое кровоснабжение, что из них, в случае ранения, не вытекает ни капли крови. Больные иногда очень гордятся этой безнаказанностью и забавляются тем, что прокалывают мягкие части ног и рук длинными иглами. Этот факт имеет для нас значение, так как

освещает явление, называвшееся некогда «печатью дьявола» — это та нечувствительная точка, которую врач, вооруженный иглой, искал на обвиняемом и обнаружение которой неминуемо влекло за собой осуждение на смерть. Наряду со случаями *истерической полочувствительности* (гемианестезии) часто встречаются и случаи *полной анестезии* всего тела. Мне однажды случилось видеть молодую 19-летнюю девушку, которая под влиянием огорчения выбросилась с 4-го этажа на мостовую. Она сломала себе обе ноги. Когда ее забирали в больницу, несчастная смеялась, лежа на носилках, и забавлялась тем, что шевелила обломки своих костей. Для любого другого человека это было бы страшной пыткой.

И в этом случае напрашивается сравнение с «колдуньей»: припомним, что во время допроса она иногда не издавала ни единого звука; то было, как выражаются демонологи, *молчаливое очарование* — демон таким путем оберегал ее от страданий. В настоящее время мы говорим, что это случай *полной истерической анестезии*. Наконец, иногда у истеричных случаются припадки, во всем совпадающие с припадками у одержимых бесом.

Их предвестниками служат известные симптомы. Больной вдруг слышится звон колоколов, в ее голове что-то перекачивается, и все начинает вращаться вокруг нее. Это состояние головокружения может длиться подряд несколько часов, а иногда и дней. Потом начинаются *вздутия груди* и ощущения удушья, являющиеся следствием спазматических сокращений пищевода. У прежних одержимых тоже встречался этот признак. Заклинатели предполагали, что это было вызвано тем, что порча или сглаз поднимались к горлу. Теперь мы это называем *истерическим шаром*.

Ощущая эти первоначальные симптомы, истеричные уже предвидят приближение припадка и предпринимают соответствующие меры. Они подготавливают известным образом свою постель и одежду, даже просят у надзирательниц аппараты, устроенные для их сдерживания, кото-